

Дониэль Клейтон

ПРЕКРАСНЫЕ

Одна из самых ожидаемых книг Young Adult в 2018 году
по версии портала Brightly Teen

Прекрасные

Дониэль Клейтон

Прекрасные

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)

Клейтон Д.

Прекрасные / Д. Клейтон — «АСТ», 2018 — (Прекрасные)

ISBN 978-5-17-111702-3

В Орлеане все люди рождаются Серыми: их тела несовершенны, черты лица невыразительны. Но Прекрасные – девушки, в чьей крови течет магия, могут преобразить любого. Камелия – Прекрасная. Больше всего на свете она мечтает стать фавориткой Ее Величества, но однажды узнает, что стены королевского дворца хранят темные тайны, а ее магия может не только делать людей красивыми, но и... убивать. Камелии предстоит сделать тяжелый выбор: спасти себя от жестокой принцессы, цель которой – использовать кровь Прекрасных во имя зла, или, рискуя собственной жизнью, навсегда изменить мир Орлеана...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-111702-3

© Клейтон Д., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

1	6
2	8
3	14
4	16
5	19
6	23
7	28
8	34
9	40
10	45
11	50
12	54
13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дониэль Клейтон

Прекрасные

THE BELLES

Text copyright © 2018 by Dhonielle Clayton

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without written permission from the publisher.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств *Baror International, Inc. u Nova Littera SIA*

© Кононенко Е. Л., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Это волнующая сказка о мечтах, амбициях и безжалостной красоте».

Холли Блэк, автор бестселлера «Костяная кукла»

Посвящается

*дяде Кенни, дяде Чарльзу и Нанни —
без вас мир стал серым.*

Красота – это увядающий цветок.

Орлеанская поговорка

После сотворения мира Бог Неба влюбился в Богиню Красоты. Небо щедро одаривало Красоту самым ценным, что у него было: солнцем, лунной, облаками, звездами. Она согласилась стать его женой, и у них родились дети, орлеанцы. Красота так сильно любила своих детей, что проводила с ними все дни напролет. Однажды, когда она отказалась вернуться домой, Небо обрушило на город дождь, молнии и ураганный ветер, чтобы утопить первых людей. Красота защитила их, но Небо наслало на них проклятие: кожу, бледную, как затянутое облаками небо, глаза кроваво-красного цвета, волосы, похожие на гнилую солому, и неизбежную печаль, которая очень быстро перешла в безумие. В ответ Красота отправила на землю Прекрасных, чтобы они, словно розы, цвели на скудной почве, и поручила им вернуть красоту этому проклятому миру, как только солнце вновь осветит его.

«История Орлеана»

1

Сегодня нам исполнилось шестнадцать. Любую нормальную девушку в этот день ждали бы малиновые и лимонные пирожные, розовое шампанское, карточные игры и небольшой аэростат пастельного оттенка. А возможно, и карликовый слоник.

У нас все по-другому. Сегодня наш дебют. В этом году нас всего шестеро.

Из-под кончиков моих пальцев по тонкому запотевшему стеклу слезами стекают капли воды. Красивая карета округлой формы залита светом. Я изящная куколка внутри ледяного шара. Восторженная толпа окружает мою карету, желая хоть одним глазком увидеть, как я выгляжу и на что способна.

Сплетение розовых цветов, в честь которых я, Камелия, получила свое имя, образует на стекле буквы, сообщая их всем и каждому, и скрывает меня от чужих глаз до прибытия ко двору. Я еду последней.

Мы пробираемся сквозь толпу на Королевской площади по дороге на Карнавал Красоты, и мое сердце колотится от восторга и волнения. Фестиваль проходит всего раз в три года. Я держу в руках бинокль и всматриваюсь в крошечные просветы между лепестками, стараясь запомнить каждую малейшую деталь этого нового мира, мечтая сохранить ее, спрятать в складках моего многослойного вишневого платья.

Передо мной волшебная страна дворцовых зданий с золотыми башнями, сверкающими арками, фонтанами, в которых плавают рыбки цвета слоновой кости и багрового заката, с зелеными лабиринтами из аккуратно подстриженных деревьев и кустов всех геометрических форм и размеров. На величественных каналах, опоясывающих площадь, виднеются украшенные драгоценными камнями лодки, которые отражаются в вечерней глади воды в форме улыбающихся лун. Они переполнены пассажирами, желающими увидеть нас. В королевских песочных часах, отмеряющих день и ночь, струится песок цвета белых бриллиантов.

Морской закат окрашивает небо и облака в цвета спелой вишни, апельсинов и грейпфрутов. Заходящее солнце подсвечивает мое отражение в стекле. Из-за толстого слоя пудры на лице я выгляжу как кусок замороженного карамельного торта.

Я никогда не видела ничего подобного. Это не только мой первый визит на императорский остров, но и первый раз в жизни, когда мне довелось покинуть дом.

Орлеанский архипелаг представляет собой цепочку островов, протянувшуюся изогнутым стеблем розы в теплое море. Многие из них соединены золотыми мостами, с одного на другой можно добраться на одном из роскошных речных экипажей, снующих от берега к берегу. Мы прибыли с самого верха, от цветка, и проделали долгий путь к центру стебля, чтобы продемонстрировать наши таланты.

Легкий ветерок пробивается сквозь небольшие отверстия в стеклянной карете и доносит до меня запах неба. Я дышу соленым дождем, пряными облаками и едва ощутимой сладостью звезд. Все вокруг кажется мне сном, оставшимся со мной после рассвета. Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я больше не хочу возвращаться домой. Одна минута здесь стоит тысячи мгновений там.

«В конце теплых месяцев всегда случаются перемены», – часто говорила мама. Сегодня моя жизнь изменится навсегда.

Кони тянут нашу карету вперед, цокая копытами по мостовой. Торговцы продают в нашу честь сладости: маленькие горки фруктового льда, украшенные клубникой цвета наших губ; замысловатые печенья в виде наших именных цветов; сладкие слойки в форме собранных в пучок волос; сахарную вату, повторяющую цвета наших платьев и поясных сумок.

Пальцы стучат по стеклу, и я ловлю тень чьего-то лица. Площадь заполнена людьми. Их так много – сотни, тысячи, может, и миллионы. Королевская стража расталкивает толпу, чтобы

наша процессия могла продвигаться вперед. Все присутствующие кажутся очень красивыми, у них разный цвет кожи, от оттенка свежих сливок до медового и шоколадного; у кого-то волосы лежат светлыми волнами, у кого-то – каштановые кудри, а некоторые хвалятся шевелюрой кудрявой и черной, как вороново крыло; одни стройны, другие пышнотелы, у третьих среднее телосложение. Все они заплатили за свою внешность.

Мужчины одеты в пиджаки, цилиндры и галстуки всевозможных цветов. На некоторых лицах фигурные усы и бородки. Рядом с мужчинами стоят женщины с роскошными драгоценностями и в платьях с кринолинами из тюля пастельных оттенков. Причудливые шляпки украшают их прически. Некоторые дамы держат в руках тканые или бумажные зонтики от солнца, другие охлаждают себя взмахами узорчатых вееров. Тем, кто в данный момент наблюдает за площадью с дирижаблей, они наверняка напоминают конфеты в коробке.

Я подглядела самые популярные образы в гляцевых журналах, оставленных на столике для почты, и из еженедельных быютископов, забытых дочерью Дюбарри, Элизабет, среди бархатных подушек на диване в гостиной. «*Орлеанс Пресс*», например, писали, что трендом нового ветреного сезона будут светлые волосы с розоватым клубничным оттенком и нефритовые глаза. Это было во всех газетных заголовках:

ПРОБУДИ ЛЮБОВЬ...

НЕФРИТ и КЛУБНИКА СДЕЛАЮТ ТЕБЯ НЕОТРАЗИМОЙ

ПРЕКРАСНЫЕ РЕКОМЕНДУЮТ

ПОПОЛНИТЬ ВАШУ КОСМЕТИЧКУ

ПУДРОЙ ДЛЯ ВОЛОС

ИЗ РЕВЕНЯ

БЕЛОСНЕЖНАЯ КОЖА и РОЗОВЫЕ ГУБЫ —

ЦВЕТА КРАСОТЫ в ЭТОМ СЕЗОНЕ

Репортеры утверждали, что все перечисленные продукты захотят приобрести в ближайшие месяцы.

Люди размахивают бархатными кошельками. Лежащие внутри спинтрии мелодично звенят. Сколько монет вмещает каждый кошелек? Сколько процедур жителям по карману? Сколько они готовы заплатить?

Я настроила бинокль и стала разглядывать восторженных зевак. Увеличив, я заметила у некоторых выцветшую кожу, будто картина потускнела от долгого пребывания на солнце, седеющие у корней волосы, морщины, прорезающие лбы.

Это напомнило мне, зачем я здесь.

Я Прекрасная.

Я управляю красотой.

2

Вереница карет остановилась перед королевским шатром, на куполе которого вышиты переплетенные хризантемы. Звучат фанфары. Звонят колокола. Я настраиваю линзы бинокля и, прищурившись, разглядываю короля, королеву и их дочь. Они напоминают фарфоровых кукол, в которых мы с сестрами играли в детстве: короля в пурпурных одеждах с облупленным лицом и королеву с погнутой короной, припиленной к темным волосам, которые сидели внутри кукольного замка, сделанного из обрезков кипарисового дерева.

Они выглядят совсем как их кукольные копии, только, разумеется, не потрепанно. Королева сияет, словно далекая звезда, и ее кожу, темную как ночь, подсвечивают последние лучи заходящего солнца. У короля борода до пояса цвета меди, а золотые волосы их дочери забраны наверх в прическу, напоминающую пчелиный улей. Раньше я раскрашивала руки и ноги кукольной принцессы каждый раз, когда настоящая принцесса меняла цвет кожи, стараясь не отставать от новостей из желтой прессы, которую тайком от Дюбарри приносила нам мама.

Изображение принцессы блистает на боках аэростатов. Сегодня она белее снега, как и ее отец, но с персиково-розовыми веснушками, искусно рассыпанными по маленькому носику. Я хочу быть той, кто делает их всех красивыми, быть избранной самой королевой и получить всю ту власть, что полагается фаворитке Ее Величества. И если я окажусь лучше Амбер, то выберут именно меня. Все мои сестры хороши, но в глубине души я знаю: в конце выбор будут делать между нами двумя.

– Ваши Величества, Ваше Высочество, министры, графы и графини, бароны и баронессы, придворные дамы и господа, народ Орлеана, добро пожаловать на наш традиционный королевский Карнавал Красоты, – властным тоном объявила Мадам Дюбарри. От ее громкого голоса карета дребезжала. Не глядя я могла поспорить, что на ней шляпа с павлиньими перьями, а пышное тело втиснуто в одно из ее черных платьев. Матушка говорила мне, что Мадам Дюбарри нравится иметь крупную, внушающую трепет фигуру.

– Я – Мадам Ана Мария Ланж Дюбарри, королевский хранитель Прекрасной Розы.

Она произнесла свой титул с гордостью. Жители Орлеана, вероятно, были бы шокированы, если бы узнали, что дома мы звали ее просто Дюбарри.

Толпа взорвалась аплодисментами. Пронзительный свист заполнил площадь и вибрировал в моей груди. Всю жизнь я хотела только одного – быть здесь, на виду у всего королевства.

– Эта традиция уходит корнями в самое зарождение наших островов, возникновение нашей цивилизации. На многие поколения моих предков была возложена почетная обязанность охранять наши самые ценные сокровища.

Мадам Дюбарри повернулась налево и указала на предыдущее поколение Прекрасных. Все восемь сидели с бутонами роз в руках на стульях с высокой спинкой. Их лица скрывали черные кружевные вуали. На голове у Иви, нынешней фаворитки, сверкала корона. Их время при дворе заканчивалось. Как только они подготовят нас, их отправят домой.

Когда я была маленькой, мы играли все вместе в перерывах между занятиями с Дюбарри. Но в один прекрасный день слуги упаковали вещи старших девочек.

Я хотела спрятаться среди чемоданов и сундуков, закопаться в шелковые платья, мягкие меха и пышный тюль, чтобы выбраться наружу и одним глазком посмотреть на мир, хоть сквозь замочную скважину сундука. После их отъезда я читала о старших Прекрасных в газетах. Их изображения украшали стену моей спальни.

Я всегда мечтала быть как Иви и хочу до сих пор.

«Ты должна стать фавориткой, как я когда-то, – сказала мне мама перед самой смертью. – Жители Орлеана ненавидят сами себя. Ты должна это изменить». Это воспоминание согревает, хотя тоска по маме теснит мне грудь. *«Фаворитка показывает миру, что такое*

красота. Она напоминает людям о самом важном». Как бы я хотела, чтобы она дожила до сегодняшнего дня и смотрела на меня с трибуны.

Я представила, что живу во дворце, что меня назначили личной Прекрасной для королевской семьи; правой рукой Министра Красоты, той, что помогает составлять законы о Красоте. Я наслаждаюсь всеми чудесами, которые есть в Трианоне и его кварталах, купаюсь в Королевском море, плаваю на королевских судах, посещаю каждый остров и каждый городок и пробую все, что предлагает мне этот удивительный мир.

Каждая из моих сестер отправится в один из пяти императорских чайных домов или вернется домой, чтобы заботиться о новорожденных, которые вольются в число граждан Орлеана.

Я буду сосудом Богини Красоты.

Я держусь за свою мечту так сильно, словно это глоток воздуха, который я не могу выпустить из груди.

– А теперь с удовольствием представляю вам новое поколение Прекрасных, – объявила Дюбарри.

От предвкушения меня бросило в дрожь, а сердце грозило вырваться из груди. Бинобль упал из моих трясущихся рук.

Толпа ликовала. Кучер снял цветочное покрывало с моей кареты.

Я предстала перед толпой. Взяв с коленей два веера, щелкнула застежками и продемонстрировала нарисованные на них розовые примулы. На мгновение я прикрыла веерами лицо, затем соединила, и вот они захлопали и затанцевали в моих руках, словно крылья бабочки. Я подбросила веера вверх, и они приземлились точно в мои ладони. Не зря же я столько часов тренировалась. Из толпы раздались восхищенные крики и свист.

Я посмотрела влево, где стояли кареты моих сестер, напоминающие ряд прозрачных яиц; наши движения были синхронными. Мы обменялись улыбками. В наших венах одна кровь – кровь звезд, кровь Богини Красоты.

Над нами парили пурпурные фонарики. В сгущающихся сумерках на тонкой бумаге наши имена сверкали особенно ярко: Эдельвейс, Амброзия, Падма, Валерия, Хана и Камелия. На радость зевакам из ближайших фонтанов стали выпрыгивать рыбки, меняя в полете цвет чешуи с алого на зеленовато-синий. Их танец продемонстрировал наши способности. Площадь взорвалась аплодисментами. Маленькие девочки стали размахивать кукольными копиями Прекрасных. Кто-то даже достал монокли, чтобы подробнее нас рассмотреть. Я улыбнулась и помачала рукой в надежде понравиться и запомниться им.

Первой Дюбарри представила Валерию. Ее экипаж выехал вперед.

Я закрыла глаза. *«Не смотри на них, – говорила мама. – Никогда не позволяй себе смотреть, как другие пользуются магией. Иначе зависть, словно сорная трава, прорастет в твоей душе. Будь лучшей, не пытайся обойти других».*

В недели, предшествующие Карнавалу, нам было запрещено обсуждать инструкции, но мы с Амбер все же поделились друг с другом тем, что нам предстояло сделать. Для ее подопечной предписывалось создать кожу цвета грецкого ореха, крупные кудри и пухлое, симпатичное лицо. В мою задачу входило окрасить кожу в оттенок алебастра с Огненных островов, сделать локоны, черные как ночь, и идеальные красные губы, словно бутон розы. Мы практиковали эти образы на прислуге, оттачивая навыки в отдельных комнатах под пристальным вниманием Мадам Дюбарри. *«Повторение ведет к совершенству»*, – говорила она часами.

Пока я старалась размяться внутри кареты, вслед за Валерией начала выступление Хана. От долгого сидения в одной позе ноги затекли, а веки дрожали, сопротивляясь моей решимости не открывать глаза. Одна за другой девочки проходили трансформацию, их полные боли стоны прорезали шумную площадь, словно серебряные ножи. Я морщилась каждый раз, когда крик достигал пика и затихал, сопровождаемый восторженным ликованием зрителей.

Реакция на выступление моих сестер была разной. Одни удостаивались лишь охов и ахов, других приветствовали ликующим ревом.

Я люблю своих сестер, особенно Амбер. Она всегда была мне ближе всех. Каждая из нас заслуживала стать фавориткой. Мы тяжело трудились, чтобы постичь искусство красоты. Я так сильно этого хотела, что внутри ни на что другое просто не осталось места.

Кажется, мои глаза были закрыты целую вечность, но тут карета снова тронулась. Королевские капелдинеры приблизились к ней, в золотых пуговицах их мундиров отразился свет ночных фонариков. Четверо встали вокруг меня, образуя квадрат, открыли замки, взяли за рычаги по краям моего стеклянного шара и оторвали его от основания кареты, словно мыльный пузырь, тонкий и невесомый.

Встав с сидения, я постаралась сосредоточиться и сохранить равновесие. Капелдинеры пронесли меня к центральной сцене. Я уговаривала себя не нервничать. Дома Дюбарри полностью воссоздала помост, включая золотой цилиндр, на который должны были установить мою платформу.

Подготовка к этому дню началась, когда мне исполнилось тринадцать. После трех лет уроков, лекций и упражнений я точно знала, что должна сделать. И хоть мы не раз все отрепетировали, я дрожала так, словно внутри стеклянного шара случилось небольшое землетрясение.

– Я выступлю лучше всех, – шептала я себе под нос. – Мне будут громко аплодировать, а королева назначит меня фавориткой, как когда-то назначила маму. Я поселюсь во дворце и увижу мир. Делая людей красивыми, я никогда не допущу ни одной ошибки. – Я повторяла эти слова снова и снова, пока они не прогнали мой страх.

Как только за рычаг потянули, послышался скрип шестеренок. Платформа под моими ногами поднялась над толпой. Обитые бархатом королевские трибуны, установленные на специальных конструкциях, возвышались высоко над толпой. Люди, сидящие там, наклонились в мою сторону, прижимая к глазам бинокли и подзорные трубы и приставив к ушам слуховые трубки, похожие на слоновьи хоботы. На их лицах читалось ожидание чуда, как будто я была запертой в сосуде звездой, готовой в любую секунду заблестеть.

Платформа остановилась. Я потянула маленький рычаг на полу, и стеклянный потолок надо мной разошелся в стороны, как яичная скорлупа. Вечерний теплый воздух, сладкий «на вкус», мягко коснулся моей кожи. Если можно было бы поймать этот ветер в бутылку, он осел бы на дне сахарной пудрой. Звезды сияли так ярко, что казалось, будто они совсем близко: протяни руку, возьми одну и спрячь на дне бьютикейса.

Над затихшей площадью слышался только нарастающий гул океана. Жители Орлеана смотрели на меня – ту, которая последней будет демонстрировать свои таланты. Дюбарри не подготовила меня к тому, что я почувствую, находясь в центре внимания. Мое сердце замерло: так много взглядов устремились на меня!

Дюбарри подмигнула и постучала пальцем по полным губам, напоминая мне: нужно улыбаться. Толпа верила в то, что я с самого рождения знаю, как делать людей красивыми. Им невдомек, как тяжело я работала, совершенствуя мастерство и оттачивая магию, как нелегко мне было усвоить все правила.

– С удовольствием представляю вам последнюю Прекрасную, Камелию Борегард!

В звуках моего имени слышится гордость, триумф и магия. Я стараюсь сосредоточиться на них, чтобы побороть тревогу.

Отовсюду струится свет: от ламп и экранов, размещенных на аэростатах, от парящих в воздухе свечей и яркой восходящей луны. Я почти чувствую его вкус, пузырящийся и сладкий, как розовое шампанское на кончике языка.

Небольшие платформы расположены передо мной полукругом: три слева, две справа. На каждой стоит девочка семи лет, похожая на драгоценный камень на бархатной подушке. Они

совсем разные, да и как можно сравнивать жемчуг, изумруды и рубины? Красота, создаваемая нашей магией, уникальна.

Я узнаю работу каждой из моих сестер: Падма наделила свою подопечную кожей цвета медового хлеба; Эдель подстригла свою девочку очень коротко, подчеркнув идеальную форму черепа; Валерия заставила глаза модели сиять аметистовыми звездами; Хана наградила малышку телом танцовщицы, длинными ногами и руками и тонкой шеей; Амбер же – круглым, живым личиком, как у нее самой.

Другие Прекрасные уже создали свои шедевры. Настала моя очередь преобразовывать девочку. Король с королевой кивнули Дюбарри. Взмахом руки она подала мне сигнал начинать.

Я подняла глаза к небесам, чтобы попросить силы и смелости. Прекрасные происходят от Богини Красоты, благословившей их магией, которая способна преобразить мир и спасти народ Орлеана. Надо мной парили аэростаты, загораживая звезды своими округлыми формами и объемными баннерами.

Последняя платформа поднимается и останавливается прямо напротив моей, замыкая идеальный полукруг. На девочке надета длинная сорочка до пола, заменяющая платье. У нее волосы цвета дождливого неба и серая, сморщенная, как изюм, кожа. Красные глаза глядят на меня, как угли, горящие во тьме.

Мне следовало бы привыкнуть к тому, как выглядят дети в естественном состоянии. Но свет подчеркивает ее недостатки. Девочка напоминает мне монстра из сказок, которые читали нам няни. Она *Серая*. Каждый в Орлеане рождается таким – с бледной, серой и сморщенной кожей, вишнево-красными глазами, волосами, жесткими, как солома. Будто все цвета вылиняли, оставив под собой лишь каркас из обглоданных костей и пепла. Но при наличии достаточного количества спинтрий мы можем приподнять тьму, найти красоту под серостью и поддерживать эту трансформацию. Мы можем спасти их от непереносимого однообразия.

Они просят нас изменить форму молочно-белых костей, использовать позолоченные инструменты, чтобы перекроить каждую линию на лице. Они просят разглаживать, вырезать, формировать их тела, словно те сделаны из теплого податливого воска. Они просят стереть следы их образа жизни. Они просят наградить их талантами. Даже если боль настолько невыносима, что из горла будут вырываться мучительные стоны, а цена способна пустить их по миру, мужчины и женщины Орлеана всегда будут хотеть лучшего. Я всегда к их услугам. Быть нужной – это счастье.

Девочка нервно теребила в руках розовые лепестки камелии. Я улыбнулась ей, но она не ответила, медленно шагнула к краю платформы и посмотрела вниз, будто собираясь прыгать. Остальные девочки замахали ей руками, из толпы раздались крики. Я затаила дыхание. Если она упадет с высоты сорока шагов, то наверняка разобьется. Но девочка быстро вернулась в центр.

Я выдохнула, и бисеринки пота проступили у меня на лбу. Хочется надеяться, что она заработает несколько *ли* за участие в этом показе – этого хватит на месяц: на треугольник сыра и краюшку хлеба. Я надеюсь сделать ее красивой. Пусть люди улыбаются ей, а не испуганно перешептываются и глядят со злобой вслед. Я не помнила, чтобы хоть когда-нибудь чувствовала себя такой маленькой, уязвимой и испуганной.

Я открыла стоящий рядом бьютикейс. Дюбарри выдала каждой из нас индивидуальный сундучок, на котором выгравированы наши инициалы и цветы, в честь которых мы были названы. Погладив пальцами позолоченную резьбу, я подняла крышку, прячущую в бесконечных ящичках и нишах разнообразные инструменты. Эти предметы – всего лишь маскировка истинной силы моего дара. В голове звучали утренние напутствия Дюбарри: *«Демонстрируйте только вторую аркану и действуйте согласно инструкциям. Пусть они хотят большего. Покажите, что на самом деле вы – божественные художницы»*.

Три алых почтовых шара с тремя подносами подплыли к платформе, на которой стояла девочка. С одного из них посыпались белые хлопья бэй-пудры, которая покрыла ее с ног до головы, хотя она и пыталась увернуться. На другом подносе стояла фарфоровая чашка, наполненная розовым чаем – анестезирующим напитком из роз, растущих на нашем острове. Он плескался и парил у самого ее рта, но девочка отказывалась сделать хотя бы глоток, отгоняя чашу рукой, будто назойливую муху.

Толпа зашумела, когда моя подопечная снова приблизилась к краю. Последний почтовый шар преследовал ее со щеткой, на которую была нанесена паста цвета сливочного печенья. Справа и слева другие девочки подбадривали свою подругу криками, советуя не бояться. Площадь сотрясалась от рева. Зеваки старались убедить бедняжку сделать глоток чая и провести щеткой по щеке.

В животе все скрутилось в узел. Ее непрерывное ерзанье может испортить мое выступление. Я запаниковала. Представляя этот вечер, я не могла и подумать, что подопечная будет сопротивляться.

– Пожалуйста, не шевелись, – попросила я.

Дюбарри тяжело задышала в громкоговоритель. Люди затихли. Девочка замерла. Я глубоко вдохнула.

– Ты же хочешь быть красивой?

Взгляд ее прожег меня насквозь.

– Мне все равно, – закричала она, и ветер подхватил ее голос.

В толпе раздались вопли ужаса.

– Конечно, хочешь. Все хотят, – сказала я, борясь с напряжением в голосе.

Может быть, она сходит с ума из-за того, что была Серой так долго.

– Возможно, все ошибаются. – Ее руки сжались в кулаки. От ее слов у меня по спине пробежали мурашки.

Я натужно улыбнулась.

– Что, если я пообещаю, что все получится здорово?

Она моргнула.

– Лучше, чем ты ожидаешь. Что-нибудь, что сделает все это стоящим. – Я обвела руками толпу.

Девочка закусилла нижнюю губу. Почтовый шар лениво вернулся к ней с чаем. Она по-прежнему не хотела его пить.

– Не бойся. – Наши взгляды встретились. – Выпей чай.

Шар вернулся.

– Ну давай. Я обещаю, тебе понравится моя работа. Тебе станет лучше.

Она потянулась к шару, но вдруг отшатнулась назад, словно он мог обжечь ее, и уставилась на меня. Я улыбнулась и жестами попросила подтянуть шар к себе. Девочка ухватила его за золотую ленту, взяла чашку и сделала глоток.

Я внимательно рассмотрела маленькую, неприметную фигурку этого недокормленного ребенка. В ее красных глазах плескался страх. Ее тело затряслось еще сильнее.

– Теперь возьми щетку, – нежно продолжила я.

Она провела щеткой по щеке и оставила на коже светлую полосу, которая должна была подсказать мне цветное решение.

С аэростата над нашими каретами зажгли воздушные свечи. Я снова поймала свое отражение в стекле и едва заметно улыбнулась. К черту инструкции Дюбарри! Я дам этой малютке белоснежную кожу, черные волосы и губы, как бутон розы. Идея, будто ластиком, стирает все волнение.

Я рискую разозлить Дюбарри еще сильнее, однако, если это поможет мне выделиться среди сестер, оно того стоит. Это станет незабываемым зрелищем. Должно стать.

Я закрыла глаза и мысленно представила девочку в виде небольшой статуи. В детстве мы практиковали вторую аркану, работая краской на холсте, разминая глину на гончарном круге, придавая форму свечам, только вышедшим из чана, до тех пор, пока не стали создавать маленькие шедевры. После тринадцатого дня рождения мы начали использовать для своих экспериментов карликовых собачек, кошечек и слуг. Я наградила свою горничную, Мадлен, яркими серо-зелеными глазами, как только краснота стала проявлять себя. В четырнадцать мы подвергали трансформации малышей в детской, раскрашивая их крошечные пухлые ножки и пушок на голове. Перед нашим шестнадцатилетием королева устроила раздачу *токенов* бедным, чтобы помочь нам совершенствовать навыки.

Теперь я готова.

Я призвала магию. Давление поднялось. Внутри меня словно разгорелся пожар из маленькой искорки. Вены на руках и ладонях вздулись тоненькими зелеными змейками.

Я играла цветком в руках девочки. Меняла его, придавая форму волокнам, лепесткам и стеблю так, как меняла бы ее. Толпа ахнула. Стебель вытягивался до тех пор, пока не стал похож на хвост воздушного змея и не коснулся края платформы. Девочка выронила цветок и отступила назад. Стебель, удлинившийся раза в четыре, обвил ее маленькое тельце, прикрыв его лепестками, как гусеницу.

Площадь взорвалась аплодисментами, свистом и топаньем. Рев толпы перешел в рокот нетерпения. Все ждали момента, когда я ее покажу.

Я стану лучшей.

Все будет идеально.

Мне нравится быть Прекрасной.

Я услышала бурление крови, текущей по венам внутри ее тела, почти оглушающее биение ее пульса и произнесла мантру Прекрасных: *«Красота заключена в крови»*.

3

Детство вспоминалось мне как череда быстро сменяющих друг друга, как в телетропе, картинок. Я никогда не могла вспомнить его целиком: ни первого слова, ни запаха. Только первую измененную мной вещь – это воспоминание приходит ко мне яркой вспышкой.

Дюбарри приводит нас в солярий в северном крыле, чтобы провести урок. Мы с сестрами рассаживаемся вокруг стола. Благоухают цветы. Садовники суетятся рядом, подрезая, поливая растения, делая из них вытяжки для наших снадобий. Солнце палит сквозь изогнутое стекло потолка, нагревая платье и превращая меня в горячий пирожок. Дюбарри раздает нам птичьи клетки, в каждой из которых цветок, и просит изменить их форму и цвет. Я так волнуюсь, что мой цветок взрывается. Лепестки растения лезут сквозь прутья клетки и, сбрасывая клетки моих сестер на пол, растягиваются между нами гигантским осьминогом.

Теперь я лучше себя контролирую и совершаю меньше ошибок, но до сих пор чувствую этот зуд под кожей. Он означает, что магия совершила именно то, что я и задумала.

Я открыла глаза. Лепестки камелии стекли с тела маленькой Серой, как воск, явив ее толпе. Раздались удивленные возгласы и крики восторга:

- Браво!
- Великолепно!
- Невообразимо!
- Блестяще!

От рева толпы затряслось стекло. В голове перестает стучать, сердце успокаивается, щеки бледнеют.

На девочке маленькая копия моего розового платья, сделанного из цветков камелии. Кожа точно такого же оттенка, как и у меня: золотисто-шоколадная, блестящая в свете фонарей, как хрустящее сахарное печенье, только что вынутое из кипящего масла. Я сделала девочке небольшую ямочку на левой щеке, как у себя. Темные кудри убраны в традиционный высокий пучок Прекрасных – такой носим только мы.

Она – мой маленький близнец. Между нами лишь одно различие: ее глаза кристально-голубые, как воды Королевской Гавани, а мои – янтарно-коричневые, как и у всех моих сестер.

Другие девочки показывают на нее пальцами, приоткрыв рот от восторга. Я назвала свою маленькую подопечную Холли, в честь остролиста, чьи цветы могут пережить самые холодные орлеанские морозы и остаться такими же прекрасными. Над площадью раздался гром аплодисментов. Восторженный рокот заполнил каждую клетку моего тела.

Девочка уставилась на собственное отражение, разинув рот. Она крутилась, разглядывая свои руки и ноги, трогала лицо и волосы. Ее изображение появилось на экранах аэростатов. Новая внешность продержится всего месяц, прежде чем *серость* снова поглотит ее, но сейчас это никого не волнует.

Я искренне надеюсь, что какая-нибудь бездетная леди удочерит Холли после того, как ее изображения появятся в газетах и в новостях. Я хочу, чтобы ее жизнь полностью изменилась. Жители Орлеана любят всё красивое. И эта малышка достойна занять почетное место в их сердцах.

Холли смотрит на меня изумленными глазами и приседает в реверансе.

Я опускаю взгляд вниз, на сестер. Блики лунного света падают на кареты. Они наблюдают за мной уставшими глазами, едва приоткрыв веки, но машут и хлопают вместе со всеми. Все мы разные. Эдель белая, как окружающие ее цветы, черный пучок Падмы отражает свет, уголки ярких глаз Ханы красиво приподняты, медные волосы Амбер выглядят как бушующее пламя, а фигура Валерии напоминает латунные песочные часы, которые Дюбарри переворачивала,

засекая время наших упражнений с магией. В Орлеане только мы рождаемся уникальными, яркими.

Толпа принялась скандировать девиз Прекрасных: *«Красота – это жизнь»*.

Королева подняла золотую подзорную трубу и стала разглядывать нас с Холли, словно жуков под стеклянным колпаком. Все стихло. Дыхание застряло у меня в горле. Я сцепила руки в замок.

Королева положила трубу на колени и захлопала. Драгоценные кольца, зажатые между ее изящными пальцами, засияли, как маленькие звезды. Мое сердце забилося в такт ее аплодисментам и, казалось, разорвется от восторга. Наклонившись вправо, она зашептала что-то на ухо Министру Красоты. Придворные потянулись к слуховым трубкам в надежде подслушать хоть словечко. Жаль, я не могла сделать то же.

Министр Красоты поднялась, чтобы занять место возле Дюбарри, и заговорила с ней. Я была слишком далеко, чтобы прочесть по губам. Веер принцессы замер перед ее лицом. Ее пристальный взгляд мог бы прожечь дыру в моей груди.

Дюбарри жестом приказала мне поклониться. Я склонилась до самого пола, чтобы поблагодарить королеву, Министра Красоты и публику за просмотр моего выступления. Напрягая спину, я ждала традиционную минуту, демонстрирующую высочайший уровень уважения. Должно быть, королева прошептала про меня что-то хорошее, убеждала я себя.

– И снова аплодисменты Камелии Борегард, – объявила Дюбарри. – А также всем новым Прекрасным. По традиции имя фаворитки станет известно завтра до восхода первой звезды. До этого момента не забывайте делать прогнозы и ставки. Да пребудет с вами красота.

Мужчины и женщины размахивали в воздухе токенами. Королевские лотереи старались извлечь выгоду, первыми узнав имя фаворитки, уговаривали женщин купить токены от королевы, обменять их на шанс посетить ужин, светский раут или даже пройти процедуру трансформации во дворце у новой королевской фаворитки.

С аэростатов полетели карточки с нашими портретами, падая с неба, как дождь. Кажется, все мое тело улыбалось. Я поискала глазами свою карточку, но не смогла различить в этом хаосе ни единой детали.

Платформа опустилась. Малышки проводили меня глазами, подпрыгивая и размахивая руками. Королевские слуги отнесли шар со мной назад, на основание кареты. Свист толпы все усиливался. Фейерверки расцветали в ночном небе изображением эмблемы Прекрасных – золотой геральдической лилии с красной розой, закрученной вокруг центра кроваво-красной лентой.

Над головой поплыли новые объемные изображения, напоминая будущим клиентам наши лица и имена. На мгновение я замечаю и свое лицо. Глаза светятся умом, улыбка кажется лукавой. *«Отличная работа, лисенок»*, – сказала бы Матушка, если бы увидела меня сейчас. Я почувствовала себя одной из тех известных придворных, изображениями которых пестрят бюстископы и плакаты на проспектах и приморских улочках Трианона.

Предыдущее поколение Прекрасных поднялось на сцену и бросило розы вслед нашим каретам. В полете цветы развернули лепестки размером с фарфоровые блюдца. Я машу публике.

«Вот бы остаться здесь навсегда».

4

Когда-то я верила, что мы с сестрами – принцессы, живущие во дворце, в Красном Доме Красоты. Мне нравились четыре крыла здания, остроконечная крыша, бесконечные балконы с позолоченными перилами на посеребренных стойках, высокие потолки, увешанные домашними фонариками, кораллово-розовые гостиные, комнаты с винно-красными стенами, залы оттенка шампанского и легионы служанок и нянь.

Но все это не шло ни в какое сравнение с королевским дворцом Орлеана.

Кареты стояли перед южными воротами, как гранаты в меду, лежащие на подносе в ряд. Стекланные кабины прятались под покрывалами из красного бархата. Медные ручки и блестящие колеса мерцали в свете ночных фонариков. Я прижала лицо к воротам. Вдалеке сияли величественные контуры дворца, простираясь во все стороны, словно у них нет ни начала, ни конца.

Я не спешила присоединяться к сестрам. Пока Дюбарри суежилась вокруг Эдель, я задержалась около своей кареты в конце процессии, чтобы хоть минутку побыть наедине с собой. Ощущение праздника обволакивало меня, как любовь. Мамина любовь.

Королевский стражник, патрулирующий всего в нескольких метрах от меня, марширует кругами, как заводной солдатик в нашей детской игровой комнате. У меня дрожат руки и трясутся ноги. Я слишком устала или возбуждена, но скорее всего, и то и другое.

Шум толпы на Королевской площади постепенно стих, как буря, уходящая в море, за горизонт. Аэростаты и праздничные фонари уплыли, оставив в небе яркие полосы, как будто обещающая новое, еще более захватывающее представление.

Мы проведем ночь здесь. Королева объявит фаворитку завтра во второй половине дня, и тогда все изменится.

– Ты выступила лучше, чем ожидалось, – раздался вдруг голос.

Незнакомый юноша прислонился спиной к внешней стороне ворот. Пиджак и брюки на нем слились с ночью, и только галстук цвета сочной хурмы пылал в темноте. На его одежде я не увидела герба дома, по которому можно было бы определить его имя. Он почесал макушку, растрепав собранные в небольшой узел волосы. Улыбка – ярче лунного света, и мягкий свет ночных фонарей разглаживает его грубые черты лица.

Я оглянулась в поисках стражника, но его и след простыл.

– Не бойся, он вернется через пару минут. Я тебя не обижу.

– Это ты должен бояться, – ответила я.

Его могут арестовать и посадить в дворцовую тюрьму на годы за то, что он находится со мной наедине. Два месяца назад королева посадила мужчину в голодный ящик на Королевской площади за попытку поцеловать Дейзи, Прекрасную из Чайного Дома Огня. Его портреты были во всех газетах и новостных полосах в телетропах. После смерти стража не стала вытаскивать его труп, позволив морским канюкам попировать.

– Я ничего не боюсь, – ответил он.

Так странно слышать незнакомый голос, к тому же принадлежащий юноше. Под кожей покалывало от любопытства. Единственный мальчик, с которым я разговаривала вне процедурного салона, – сын Мадам Алейн из дома Гастон, которого я застучала в кладовой Прекрасных, когда он пудрил лицо и густо размазывал по губам румяна, ожидая маму с процедур. Он сам мечтал быть Прекрасным. Нам было одиннадцать, и мы чаще смеялись, чем разговаривали.

Этот же больше похож на взрослого мужчину. Дюбарри учила нас быть начеку с такими за пределами наших процедурных комнат. Но я не испугалась.

– Кто ты такой? Я не вижу на тебе герба, – спросила я.

– Да никто. – Уголок его рта приподнялся в улыбке. Незнакомец подался вперед, сократив расстояние между нами. Он пах океаном и смотрел на меня с таким нескрываемым любопытством, будто хотел потрогать. – Но если тебе так приспичило узнать мое имя, то смотри, не стесняйся. Я даже рубашку расстегну, чтобы тебе было лучше видно чернила.

Мое лицо запылало от стыда. При рождении жителям Орлеана делают татуировку вечными идентификационными чернилами, стереть которые не под силу даже Прекрасным. Если порежешься, чернила вернутся на место из крови. Большинство носят гербы на одежде, рядом с меткой на теле.

С непривычным для себя любопытством я разглядывала веснушки у него на носу, наблюдая, как он поправляет выпавший из-за уха локон и одергивает пиджак.

– Откуда ты?

– Линкс.

– Я никогда не слышала о таком месте.

– Должно быть, тебя плохо учили.

Я усмехнулась.

– У меня превосходное образование. Это на юге?

– Это в порту, – ответил незнакомец с ухмылкой. – Мое судно.

Значит, он хочет, чтобы я почувствовала себя дурочкой.

– Ты грубиян.

Я развернулась, чтобы уйти. Вдали затихал спор между Эдель и Дюбарри.

– погоди! Я просто хотел узнать, правду ли сказали репортеры.

Цвет его кедрово-карих глаз напомнил мне о деревьях, растущих дома в Розовой Заводе. Флотские эмблемы блестели на его пиджаке, словно новенькие монетки, только что выпущенные Имперским Банком.

– Правду о чем?

– Говорят, что ты можешь создать человека из глины при помощи магии, как волшебница.

Я засмеялась.

– Думаешь, я вроде придворного фокусника, которому платят за то, чтобы показывать королевским детишкам трюки и фейерверки?

Репортеры часто называют наше ремесло волшебством, но Матушка говорила, что природа магии куда сложнее.

– Так можешь или нет?

Юноша возился с галстуком, пока узел не поддался и струящийся шелк цвета апельсинного шампанского не упал на его грудь.

– Это не так работает.

– А как? – В его глазах горело любопытство, и он сделал еще один шаг в мою сторону.

Сердце в груди пропустило удар.

– Ближе не подходи.

– А то ты меня убьешь? – приподнял он бровь.

– Существуют законы, – напомнила я. – Может, и стоило бы.

– А ты все их соблюдаешь?

– Иногда. – Мои пальцы путаются в оборках платья. – Мужчинам запрещено оставаться наедине с Прекрасными за пределами процедурных залов и разговаривать с ними на любые темы, если они не касаются красоты.

– А женщинам? Они бывают еще опаснее мужчин.

– То же самое. Нам запрещено устанавливать отношения с не-Прекрасными.

– Почему? Глупое правило, если хочешь узнать мое мнение. – Он улыбнулся, как будто уже знал, что я отвечу.

– Раньше случались плохие вещи.
– Это не обязательно должно случаться каждый раз. – Незнакомец потер подбородок, изучая меня. – Ты не похожа на ту, кто слепо следует правилам.
– А у тебя острый глаз, – ответила я, чувствуя, как румянец расплзается по моим щекам.
– Я же моряк. Я должен...
– Камелия! – позвала меня Дюбарри. – Что ты там делаешь?
Я вздрогнула и резко обернулась.
– Иду! – прокричала я.
Стражник вернулся. Я оглянулась.
– Так кто ты?
Юноша исчез. Стражник пристально посмотрел на меня, но я уже спешила к дворцовым воротам, крутя головой по сторонам.
– Камелия! – снова закричала Дюбарри.
Я заглянула за карету. Никого.
И вот уже воспоминание о юноше стало казаться сном. Нечетким, призрачным и таким далеким сном, который изо всех сил стараешься не забыть в первые секунды после пробуждения.

5

Министр Красоты открыла южные ворота и важно просеменила внутрь в норковом манто в пол. На пальцах, поглаживающих мягкий мех, – идеальный маникюр с красной каймой, а темные волосы украшены павлиньими перьями. Она ткнула пальцем в воздух. Над головой болтался бело-золотой почтовый шар, на котором сверкал герб Орлеанского дома – знак личного почтового отправления Ее Величества.

– Добро пожаловать, мои замечательные. Я Роуз Берган из Орлеанского дома, Королевский Министр Красоты нашей прекрасной страны. У меня есть сообщение от Ее Величества.

Она сделала надрез в задней части шара ножом для конвертов, откуда сразу забил фонтан сверкающих искр, а затем вытащила небольшой свиток, на котором красовалась королевская печать.

Надломив печать, Министр Красоты развернула послание и начала читать:

«Дорогие Прекрасные,

добро пожаловать в мой дом и столицу нашего любимого государства. Сегодня вы все были восхитительны. Мне думается, Богиня Красоты с гордостью наблюдала за вами с небес. Надеюсь, я смогу найти для каждой из вас достойное место. Благодарю вас за вашу священную службу на благо нашей стране. Да пребудет с нами красота.

Ее Королевское Величество Селеста Элизабет Третья, милостью Богов Королева Орлеана и прочих Областей и Территорий, Защитница Красоты и Границ».

Я затаила дыхание до тех пор, пока Министр Красоты не закончила читать титулы королевы.

– Не пройти ли нам внутрь? – спросила она.

– Да, – выпалила Валерия громче, чем полагается. Мы засмеялись, и ее светло-коричневая кожа залилась румянцем.

Дюбарри и Министр Красоты повели нас вперед, в императорские владения. С обеих сторон нас сопровождала стража. Мы долго шли по пологой аллее, по извивающимся дорожкам во дворец. Ночные фонарики парили над головами, освещая нам путь. Я шла мимо ярко-зеленых лужаек, декоративных, подстриженных в удобные богам формы деревьев и клумб с алыми розами и снежно-белыми лилиями, похожими на мерцающие покрывала из красной и белой звездной пыли. По траве разгуливали королевские звери: лазурные павлины, розовые карликовые фламинго и огненно-красные Фениксы.

Амбер обернулась, чтобы посмотреть на меня. Я показала язык и догнала ее.

– Ты так здорово справилась, – прошептала она.

Я вытащила из ее поясной сумки, повязанной поверх платья цвета закатного солнца, летающего жука. Она взяла его в руки и выпустила на свободу.

– Ты тоже.

Ее бледный нос сморщился. У Амбер идеально слепленное, в форме сердечка лицо, гладкая и нежная кожа, как фарфор из главной столовой у нас дома. Под макияжем лицо казалось еще блее. Легкий ветер развеивал волосы, уложенные в высокий пучок, цветом напоминающий мякоть персика. В глазах Амбер стояли слезы.

– Я испортила кожу. Она вышла слишком яркой.

– Все получилось хорошо.

Я споткнулась о подол платья, но сестра успела меня подхватить. Голова кружилась от усталости после использования магии.

– Я перенервничала. Я делала все, что Матушка... – Ее голос надломился.

Я взяла ее за руку. Наши переплетенные пальцы смотрелись, как ирис и ваниль. Печаль Амбер чувствовалась в каждом ее жесте, а свою я держала глубоко внутри. Мы обе сделали то, чего хотели наши матери.

– Ты отлично справилась. У твоей девочки были идеальные кудряшки. Матушка Ирис очень бы тобой гордилась.

Дома Амбер жила по соседству со мной на седьмом этаже. Ее Матушка устраивала для нас двоих чайные вечеринки с сахарными печеньями и марципановыми кремовыми розочками. Несмотря на то, что нам было по тринадцать и мы были слишком взрослыми для таких посиделок, я их обожала. Я всегда буду помнить Матушку Ирис, ее белые, словно посыпанные мелом морщины, делавшие кожу похожей на растрескавшуюся землю, и то, как она научила нас пользоваться бэй-пудрой.

В нашем багаже среди платьев в память о наших матерях лежат каменные посмертные таблички.

– Амбер, ты справилась замечательно.

– Врешь, – возразила та. – Ты даже не смотрела. Я все видела, ты сидела с закрытыми глазами.

Амбер слегка толкнула меня локтем – она всегда видела меня насквозь.

– Я видела результат.

Позже я хотела раздобыть свежую светскую хронику и просмотреть все новости разом.

Амбер есть в каждом из моих немногих детских воспоминаний: вот мы крадемся на цыпочках в комнаты Дюбарри, чтобы узнать размер ее бюстгалтера; прячемся в детской, куда люди приносили младенцев на первую трансформацию; подсыпаем бэй-пудру в чай воспитательницы, чтобы посмотреть, как она будет им плевать; нажимаем все кнопки лифта одновременно, чтобы попасть на закрытые для нас этажи; вламываемся в складские комнаты, чтобы перепробовать на себе все новые составы. Нашей дружбе так много лет, что уже невозможно определить, с чего она началась.

– Посмотри на небо. – Я взмахнула рукой вверх. – Здесь оно совсем не такое, как дома.

Кипарисы не загораживают небо. Сверчки не стрекочут в заводы, а лягушки не квакают. На окнах нет привычных маленьких изогнутых перил. Чистое небо, незнакомое, с густыми северными облаками, растянулось от горизонта до горизонта.

– Королева должна была встать после моего выступления, Камиль. Так я бы узнала. Все бы узнали. Матушка сказала мне, что я должна стать фавориткой. Какой смысл быть еще кем-то?

В груди защемило. Ей говорили то же самое. Желание быть лучше нее и остальных сестер вдруг показалось мне эгоистичным.

– Она и после моего не встала, – напомнила я нам обеим. – Я знаю, что ты справилась, даже если этого не видела.

– Да, но ты выглядела потрясающе! – Она вскинула руки. – Я еще не видела, чтобы ты такое делала.

– Ты была не хуже, прекрати.

– Мы исполнили всё, что должны, всё, что было написано в наших досье. Кроме тебя. Превратить девочку в зеркальную копию себя – как умно! А мне даже в голову не приходило использовать бутон амброзии в качестве кокона. Из-за этого все приобрело особый смысл, словно откровение. Я бы не додумалась до такого! Я никогда не совершаю ничего неожиданного, а ты воспринимаешь правила как рекомендации и выходишь за рамки. – Амбер сжала

кулаки. – «Просто измени цвет кожи и волос. – Она передразнила гнусавый голос Дюбарри. – И только. Все прочее – пустая трата сил». Мы участвовали в шоу, и ты это поняла.

Она спрятала лицо в ладонях.

– Девочка дергалась, поэтому я сделала кокон, – сказала я, чтобы сестра не узнала, сколько времени я потратила в размышлениях о том, как стать лучше всех.

Я потянулась к ее руке, но Амбер убрала ее, чтобы поправить выбившийся из прически цветок. Я старалась напомнить ей, как искусно она обращается с магией. За каждое задание Дюбарри она получала высший балл. По оценкам Амбер была звездой нашего поколения, Дюбарри всегда ставила ей лучшие оценки. Если бы решение зависело только от этого, выбор был бы очевиден.

– Если бы мы могли показать первую аркану, они бы лучше рассмотрели твои таланты, – говорю я.

Амбер лучше всех умеет пользоваться арканой Характера. Она способна смягчить даже голос карманной обезьянки, сделать самого нескладного человека очаровательным и подарить любому талант, о котором он мечтает, будь то кулинария, танцы, игра на лютне или скрипке.

– Я должна быть лучшей. Меня должны выбрать фавориткой.

– Мы все об этом мечтаем.

Амбер прищурилась.

– А то я не знаю.

Ее слова прозвучали как пощечина. Раньше она никогда так со мной не разговаривала.

– Амброзия! Камелия! Вы знаете правила. – Дюбарри приподняла бровь. – Вы достаточно взрослые, чтобы помнить их.

Амбер отошла от меня на два шага, и это небольшое расстояние показалось огромным, словно океан. Нам не следует иметь предпочтений в общении друг с другом. Мы все сестры и должны быть одинаково близки. Но я всегда любила Амбер чуть больше остальных, как и она меня.

Амбер бросила на меня раздраженный взгляд. Я не понимала, почему она злится. Все мы в одинаковом положении. Не лучше ли поддерживать друг друга?

Как только Дюбарри отвернулась, я снова подошла, чтобы прикоснуться к ее руке и «починить» то, что сломалось между нами. Но Амбер убежала от меня прочь, во главу процессии, и заняла место возле Дюбарри. Я сдулась, словно почтовый шарик, но не стала ее преследовать.

Мы прошли по череде золотых мостов над Золотой Дворцовой Рекой. Репортеры высывались из своих угольно-черных лодок, держа на весу световые коробки и пытаясь набросать наши портреты. Самодвижущиеся перья царапали бумагу со скоростью молнии. Они выкрикивали наши имена и спрашивали, кто, по нашему мнению, будет избран фавориткой.

– Вы немного опоздали со ставками, джентльмены. Здесь вы подсказок не услышите, – заявила Министр Красоты.

Преодолев последний мост, мы оказались перед дворцом. Здание из розового мрамора вытянулось башнями настолько высоко, что, если забраться на одну из них, можно было бы прошептать на ухо Богу Неба пару слов. Каждый этаж выделен сахарно-белыми и золотыми полосами. Мы с сестрами запрокинули головы и, кажется, затаили одно дыхание на всех.

Я подобрала юбки и заковыляла по широкой лестнице в хвосте нашей группы, потеряв счет ступенькам после первой сотни. Перестук наших каблучков заставлял мое сердце биться быстрее. Наверху подобно огромному рту открылись двери, и нас проглотил главный вестибюль. Увешанные драгоценностями люстры свисали с высоких потолков, как пауки с животами, полными света. Стены украшали красивые барельефы с изображением звезд. Я бы обаятельно потрогала их, чтобы ощутить каждую неровность, если бы по бокам нашей процессии не шла стража.

Мы повернули в новый коридор. Рисунки на потолке менялись сами собой. На оживших фресках возникали и исчезали захватывающие дух сцены, изображающие богов и богинь, вечноцветущую розу, древних королей и королев, острова Орлеана и небеса. Я чуть не потеряла равновесие, крутя головой в разные стороны.

– Покои Прекрасных – в северном крыле, – пояснила нам Дюбарри.

– Окна обращены к Богине Красоты, – добавила Министр Красоты.

Мы проследовали в нужное крыло дворца по золоченым пролетам лестниц, похожим на огромные мосты. Я все время заглядывала через перила вниз. Королевские хризантемные деревья тянулись с первого этажа вверх, но даже они не доставали до нас ветками. Открытые кабинки, подвешенные на блестящих тросах, перевозили прекрасно одетых людей с одного балкона на другой.

Мы прошли пост королевской стражи, которая поприветствовала нас, и остановились перед внушительными дверьми, украшенными барельефами с розами.

Я прикусила губу.

Королевские слуги выстроились в ряд с каждой стороны, головы опущены в полупоклоне, руки сложены спереди. У всех угловатые лица с губами персикового оттенка, румянцем на щеках, коричневыми глазами и молочно-белой кожей. Они выглядят так по указу Министра Красоты. Она одела их в цветастую униформу, присборенную в талии, а на груди у каждого гордо красовалась эмблема, указывающая на их принадлежность к клану слуг.

Министр Красоты открыла дверь.

6

Когда-то я жила в одной комнате с мамой. Ее кровать с балдахином и моя маленькая кушетка ютились в углу наших апартаментов на седьмом этаже Красного Дома Красоты. Украденные из почтового ящика журналы мод скапливались целыми горами под моей кроватью, а изображения известных Прекрасных, утянутые из-под носа Дюбарри, украшали ширму цвета слоновой кости, отделяющую мою часть комнаты от маминой. Полки, на которых хранились сказки и фольклор о птице Фениксе Бога Удачи и серебряной лисичке Богини Обмана, были уставлены безделушками: высушенными лепестками, камушками из заводи и радужными жемчужинами в память о наших с ней приключениях. На туалетном столике стоял таз для умывания, а в камине всегда полыхал огонь. От этих воспоминаний на сердце всегда становилось тепло.

Мне сложно представить, как мама смогла когда-то оставить этот дом, а потом вернуться обратно.

Я окидываю мысленным взглядом сразу всю обстановку. Стены в золотую полоску упираются в потолок, расписанный причудливыми сплетениями роз. Я прохожу под ними, и лепестки вздрагивают и тянутся ко мне. На диванах с изогнутыми ножками раскиданы подушки, расшитые драгоценными камнями. Гобелен с вышитой золотом картой королевства Орлеан занимает всю стену. На широком белом столе в углу комнаты красуются счеты с жемчужными белыми костяшками, рядом стальные сейфы для хранения спинтрий.

Королевские слуги зажгли ночные фонарики и запустили в воздух. В их бледном свечении открываются новые чудеса, которые таит эта комната. В застекленных шкафах заперты бютископы – небольшие латунные калейдоскопы, рассортированные по годам и месяцам и наполненные изображениями самых ярких и выдающихся придворных, зарисованных с натуры Орлеанской пресс-службой. Падма направляет узкий кончик бютископа в сторону фонарика, летающего под потолком. Поймав свет, он проецирует на стену портреты элегантных мужчин и женщин. На эти картины не попадешь, хоть заплати огромную сумму. Послаблений нет даже для принцессы. Каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок мечтают увидеть свой портрет.

Дюбарри никогда раньше не позволяла нам разглядывать бютископы и читать новости, буклеты и сплетни. Нам нельзя было соприкоснуться с внешним миром.

– Смотрите, что пожелаете, – проворковала Министр Красоты.

– И ни в чем себе не отказывайте, – добавила Дюбарри.

На богато украшенных журнальных столиках разложены стопки буклетов: *«Дульче»*, *«Миньон»*, *«Ботэ»*, *«Сюкрэ»* и *«Журнал мод для дам»*. Эдель и Валерия сразу принялись их перелистывать, демонстрируя всем интересные статьи. Буклеты наполняли образы, созданные Прекрасными, результаты голосования о том, кто из Прекрасных сможет обеспечить место в бютископе, профилями каждой из Прекрасных нашего поколения и прогнозами касательно силы нашей магии в сравнении с предыдущими фаворитками, покидающими двор.

Рядом веером лежат газеты со всех концов королевства: *«Трианон Трибьюн»*, *«Хризантемиум Крониклз»*, *«Орлеанзиан Таймс»* и многие другие. Я глажу их. Заголовки теснятся и мелькают на бумаге, извещая о грядущей помолвке принцессы Софии и последних королевских законах о Красоте, изданных королевой и Министром Красоты.

**ЗАПРЕЩЕНЫ ЛЮБЫЕ ДЕЙСТВИЯ
С КОСТНОЙ СТРУКТУРОЙ
И КАРДИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМЫ ЛИЦА и ТЕЛА**

РАДИ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ФОРМЫ ТЕЛА
ОБХВАТ ТАЛИИ не должен БЫТЬ больше 15 ДЮЙМОВ

СТАТЬЯ II – А, РАЗДЕЛ IV:
КОЖА ДОЛЖНА ИМЕТЬ НАТУРАЛЬНЫЙ ОТТЕНОК

МИНИМАЛЬНАЯ ШИРИНА НОСА
ДОЛЖНА ОБЕСПЕЧИВАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЫХАНИЯ
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ ТЕЛА
ГРАЖДАНАМ СТАРШЕ СЕМИДЕСЯТИ ЛЕТ ЗАПРЕЩАЮТСЯ
ПРОЦЕДУРЫ ОМОЛАЖИВАНИЯ

Амбер заглянула мне через плечо, как будто мы и не ссорились.

– Когда меня назначат фавориткой, я добавлю новые законы.

– Зачем? Их и так слишком много. Или ты забыла те бесконечные списки, которые мы зубрили? – Этот спор повторялся бесчисленное количество раз. – Я не хочу отменить их все, только некоторые.

– Как обычно. – Перед тем как отойти, Амбер подмигнула.

Я подняла *«Империял Инквайер»* и усмехнулась, увидев изображение придворных дам, застрявших в пробке на экипажах за день до Карнавала Красоты. На глаза мне попался заголовок, на который намекал тот юноша у ворот:

ХОДЯТ СЛУХИ, ЧТО КАМЕЛИЯ БОРЕГАРД
СПОСОБНА СОЗДАТЬ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ГЛИНЫ

Я провела пальцем по витиеватому шрифту.

На табуретках стопками лежали издания желтой прессы. На их страницах перечислялись возможные любовники и любовницы принцессы. *«Щекотливые Подробности»* обвиняли принцессу в многочисленных страстных романах, в том числе с ее собственными фрейлинами. Другое издание, *«Грязные Инсинуации»*, освещало королевские и придворные расставания, виня во всем изменения внешности и недостаток подобных процедур, а в *«Непристойных Скандалах и Секретах»* рассказывалось о черном рынке косметических снадобий, способных заменить работу Прекрасных. Нелепая статья меня рассмешила. Никакой тоник не сможет воспроизвести нашу работу.

По комнате, разбрызгивая духи, летали крошечные парфюмерные аэростаты.

– Эти покои приспособят под нужды новой фаворитки, – сказала Министр Красоты. – Здесь одна из вас будет встречать клиентов перед началом процедур. – Она прошла по комнате, прикасаясь к роскошным предметам мебели, затем махнула слугам рукой. Они принялись открывать многослойные портьеры, за которыми оказалась стеклянная стена, отделяющая комнату от восхитительного сада с розами всевозможных оттенков, разнообразными цветами и растениями. – Солярий существует, чтобы черпать в нем вдохновение. Я настоятельно советую фаворитке посещать его ежедневно в терапевтических целях.

Если бы мама была здесь, она бы посоветовала мне набрать в саду лепестков для создания идеальных естественных оттенков и не заглядывать в обширные тома с образцами цвета, составленные Дюбарри. Ко мне подбежала Хана.

– Я сама себе не верю! А ты?

– Я тоже, – ответила я.

Мы разошлись по комнатам подобно тому, как стеклянные шарики раскатываются по полу. Я пошла за парфюмерным аэростатом по коридору. Стены были увешаны портретами

прошлых фавориток в золотых рамах. Я остановилась напротив портрета мамы. Ее ясные глаза пристально смотрели на меня. Я представляла, как она ходила из комнаты в комнату, создавала одного красивого человека за другим, подумала про свой портрет рядом.

Я вошла в комнату. Наверное, здесь располагался процедурный салон. На стенах до самого потолка висели многочисленные шкафчики, а на выдвигаемых ящиках виднелись надписи: «Розовый крем», «Подушечки из лебединого пуха», «Масло» и «Помады». На мольбертах стояли портреты и пустые холсты. Слуги щелкали откидывающимися лестницами, пополняя запасы. Стекланные витрины были заставлены баночками с пигментной пастой для любого оттенка кожи, в корзинах стопками уложены свечи, кубики воска и пастилки. На пузатой плите в дальнем углу разложили металлические инструменты. На большом столе лежали ворсистые подушки и стопки полотенец.

В дверь просунулась голова Ханы.

– Пойдем, Камиль, – позвала она и вывела меня наружу.

Министр Красоты провела нашу группу сквозь несколько дверей.

– Сюда, девочки. Тут у нас спальня. – Шесть кроватей с балдахинами выстроились в ряд, покрытые изысканными вышитыми покрывалами с изображением наших именных цветов. На полу лежал роскошный ковер. От горящего камина в комнате было тепло и светло. – После объявления фаворитки, разумеется, лишние кровати уберут.

Она открыла еще две двери, и мы увидели балкон, больше напоминавший террасу. Внизу раскинулся королевский пляж. Волны Королевского моря бьются о берег, а корабли императорского флота дрейфуют вдоль береговой линии. Некоторые суда пришвартованы к освещенному фонарями оживленному дворцовому пирсу, где бродят задержавшиеся допоздна торговцы.

Дюбарри встала за нашими спинами.

Я о таком и мечтать не могла. Прямо передо мной в золотистых крышах трех дворцовых павильонов отражалась луна.

– Не будет преувеличением сказать, что вид отсюда – один из лучших во дворце, – объявила Министр Красоты перед тем, как проводить нас обратно в помещение. Она указала в сторону холла. – Купальни и онсены находятся в конце коридора, рядом с процедурными салонами и комнатами отдыха.

– Сколько их всего? – спросила Падма.

– Восемь больших салонов, и все связаны между собой. Много лет назад королева приглашала Прекрасных из чайных домов, чтобы устраивать групповые процедуры. Она дарила их самым приближенным вельможам, и вместе они опробовали новые тренды и экспериментировали. Какие были времена!

Министр Красоты проводила нас в главную гостиную.

– Все до единой фаворитки жили в этих стенах. Воистину благословенное место, – сказала она.

От мысли, что моя мама ходила по этим комнатам, по коже пробежали мурашки.

Я представила, как поменяю эти апартаменты под себя: заменю белые свечи свечами из пчелиного воска с медовым запахом, а тяжелые портьеры – легкими занавесками, чтобы впустить солнце; прикажу передвинуть кровать ближе к балконной двери, чтобы звук океана убаюкивал меня. Я поставлю в спальне перед окном письменный стол, чтобы смотреть на небо над террасой, пока буду писать письма и отправлять почтовые шары.

Я бродила по комнате, гладила пальцами мебель и бархатные подушки, потом остановилась у люльки, свисающей с потолка на изящных цепочках.

– Фаворитке придется менять внешность и младенцам тоже?

– Крайне редко. Королевские особы используют токены для младенцев, посещая детскую комнату в Доме. Хотя и такое случается. – Министр Красоты щелкнула пальцами, и служанка

принялась за дело. – Кстати, о токенах... в этом сезоне у них потрясающий дизайн. Я самостоятельно выбирала художника из дома Кузнецов. – Она хлопнула в ладоши. – Принесите мне ключи.

Две служанки поднесли узорчатые жетоны в форме ключей на обитой бархатом доске, блестящие как упавшие звезды.

– Весьма остроумно, Мадам Министр, – сказала Дюбарри.

– Репортеры были в восторге. Их можно получить только при дворе. Стоят они дороже спинтрий. Выдаются только королем, королевой, принцессой и иногда фавориткой. Мой департамент их отслеживает. – Министр Красоты жестом приказала слугам уйти.

– Мне еще нравились жетоны в форме рук, – сказала Валерия. – Они были два сезона назад.

– Это моя первая любовь, – ответила Министр Красоты. – Пока не появились ключи. – Она постучала по стене за спиной. – И еще одно важное дополнение. Это в помощь Иви, бывшей фаворитке, которая в течение месяца будет помогать своей преемнице осваиваться...

Потайная дверь приоткрылась, и за ней оказался небольшой кабинет, переполненный похожими на подсвечники переговорными устройствами. Отовсюду раздавались дребезжащие звонки. У стены стояла передвижная лестница. Телефонные трубки свисали вниз как церковные колокола.

Мы заметили дочь Мадам, Элизабет Дюбарри. Мать с довольным видом посматривала на нее. У Элизабет узкое длинное лицо, похожее на рисовое зерно, короткая прическа напоминает гриб. Никакие процедуры не способны стереть неизменно кислое выражение ее лица.

Министр Красоты осмотрела ее с ног до головы, сморщив нос.

– Мисс Элизабет Дюбарри также будет находиться при дворе, – сказала она без энтузиазма.

– Я буду находиться в переговорном центре, – сказала Элизабет, шмыгнув носом, – отвечать на звонки и вести запись на процедуры и в чайных домах, и у фаворитки. Я буду заниматься заказами на снадобья и препараты и организую доставку почтовыми шарами внутри двора. – Она замолчала и зацокала языком. – Телефоны звонят не переставая.

Дома, когда Элизабет начинала что-то говорить, мы уделяли ей столько же внимания, сколько бродячим карликовым кошкам. Она любила приврать про другие острова, чтобы напугать, и делала все, чтобы унижить нас.

Эдель тяжело вздохнула.

– Я думала, мы от нее избавились.

Падма ущипнула ее. Я постаралась не засмеяться.

– Вы будете слушаться Элизабет, как меня, в то время, когда я буду работать и дома, и при дворе, – сказала Дюбарри. – Вы меня поняли?

– Да, Мадам Дюбарри, – хором ответили мы, как будто так и остались маленькими девочками у нее на уроке.

– Итак. – Министр Красоты прошлась под гобеленом, на котором была изображена старинная карта Орлеана. – Смотрите, как далеко вы забрались. – Она указала на самый верхний угол, где золотом вышит наш остров и его старое название – Хана. – Я счастлива, что вы наконец здесь. Наслаждайтесь этой ночью, потому что завтра мир – ваш, наш и всего королевства – изменится навсегда.

Дюбарри, а затем и мы похлопали ее словам.

– Я вернусь завтра утром, – сказала Министр, направившись к выходу, и подбитый норкой шлейф потянулся за ней следом.

– Девушки, вы замечательно справились, демонстрируя сегодня вечером свои таланты. – Дюбарри остановилась взглядом на каждой. – Даже ваши старшие сестры были в высшей степени впечатлены. Они готовы помочь вам освоиться, как только вы узнаете места своего назна-

чения. Некоторые даже отметили, что вам потребуется меньше месяца, чтобы приспособиться к жизни при дворе или в чайном доме.

Я покраснела от предвкушения, восторга и немного от страха.

– Сегодня был один из сильнейших дебютов на моей памяти со времен, когда еще моя Матушка была жива. – Она поцеловала два пальца и прижала их к груди. Мы сделали то же самое, чтобы выказать уважение к усопшим. После Дюбарри вынула из кармана молитвенные четки и обмотала нить вокруг ладоней. – Мы проверим и сбалансируем уровни ваших аркан. Потом вы переоденетесь ко сну. – Дюбарри прикоснулась теплой рукой к щеке каждой из нас. – Вы должны хорошо отдохнуть. Сегодня вы впервые так много переживали. Вам необходимо восстановить баланс сил. Не забывайте, что эмоции плохо влияют на кровь, в которой течет ваш дар. Излишнее проявление чувств загрязняет арканы и повышает давление. Я никогда не устану об этом напоминать.

Много недель перед нашим днем рождения и Карнавалом Красоты я слышала это снова и снова, как заевшую мелодию на фонографе. Наши матери, няни и особенно Дюбарри каждый раз, будто первый, рассказывали об арканах.

Красота у нас в крови.

Мы с сестрами бубнили эту мантру, еще когда учили буквы и цифры.

Она дернула за шнур на стене и повернулась ко мне.

– Камелия и Эдельвейс, вас обеих разбудят раньше, – сказала она загадочно. – Нам нужно поговорить.

7

Почувствовав на себе удивленные взгляды сестер, я покраснела. Мой макияж потек из-за выступившего пота. Элизабет ухмыльнулась.

– Зачем? – спросила я.

Дюбарри фыркнула.

– Да, мне тоже интересно. – Эдель встала рядом со мной.

– Камелия и Эдельвейс, мои просьбы необходимо исполнять беспрекословно как дома, так и тут. Вам всем стоит это запомнить. – Она подобрала юбку и вышла из комнаты.

– Спокойной ночи, девочки. – Элизабет отправила нам воздушный поцелуй и поспешила вслед за матерью.

– Все будет хорошо, – прошептала Амбер и взяла меня за руку.

Эдель рассмеялась.

– Эдель, это совсем не смешно, – огрызнулась Амбер.

В помещение зашли слуги. Чтобы восстановить уровень аркан, нас отвели в онсен, где накормили персиками, вымоченными в меду, расплели пучки, помогли снять наряды, вымыли волосы и купали до тех пор, пока наша кожа не стала мягкой, как кекс.

Медсестры встретили нас у дверей купален. Их накрахмаленная белая униформа поскрипывала от движений, на шеях сверкали эмблемы дворцовой медицинской службы. Они прикатили несколько тележек с подносами, заставленными плитками шоколада, чайниками с пряным чаем, дольками апельсинов, засахаренной черникой и нанизанными на шампуры копченым лососем и говядиной, спрыснутой чесноком и имбирем. В руках у других медсестер были арканометры.

Я прилегла в шезлонг, размышляя, о чем Дюбарри хочет со мной поговорить. В мозгу крутились все возможные варианты для разговора. Я очень надеялась, что она начнет расхваливать мое выступление, что толпа хлопала мне громче всех, и удивляться, насколько уникально мое владение второй арканой. Но голос внутри меня прошептал: *«Ей не понравилось»*.

Сестры одна за одной вошли в комнату и расселись кто куда. Слуги вышли.

– Только посмотри. – Падма уронила *«Орлеанзиан Таймс»* мне на колени. Заголовки рассеялись, а затем собрались снова. – Я не могу оторваться.

**ХОДЯТ СЛУХИ, ЧТО у ЛЕДИ ФРАНЦЕСКИ КАРНИГАН
ИЗ ДОМА ХЕЛИ ПОЯВИЛАСЬ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРОЦЕДУР у ПРЕКРАСНЫХ**

**КОРОЛЕВА МОЖЕТ ОТМЕНИТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ НА МОРСКУЮ ТОРГОВЛЮ
НЕКОТОРЫЕ ВОЛОСЯНЫЕ ТЕКСТУРЫ НЕ ОТРАЖАЮТ СВЕТА КОСМЕТИЧЕСКИХ ЛАМП**

**СЛУЖАНКА ДОМА КАННЕН БЫЛА АРЕСТОВАНА ЗА НЕЛЕГАЛЬНУЮ ТРАНС-
ФОРМАЦИЮ и ПОПЫТКУ ВЫДАТЬ СЕБЯ ЗА ГЕРЦОГИНЮ КАННЕН**

**ГЕРЦОГИНЯ МИШЕЛЬ ЖЕРАР ИЗ ДОМА ЮДЖИН СОЧЕТАЕТСЯ БРАКОМ с ЛЕА
БОЕР НА СТЕКЛЯННЫХ ОСТРОВАХ**

Эдель выхватила газету из моих рук и плюхнулась в соседний шезлонг.

– У нас проблемы, лисенок. – Она выглядела как привидение. Ее волосы и цвет лица были такими же белыми, как и ночная сорочка.

– У тебя всегда проблемы, Эдель, – сказала Валерия и, сунув нос в тележку со сладостями, испачкала волосы в глазури.

– Надо сказать, Камиль, у тебя тоже. Ты не всегда следуешь инструкциям, – заметила Падма, улыбнувшись.

– Я хотела, чтобы меня запомнили, – сказала я. – И потом, моя модель все время ерзала.

– Так вот почему ты сделала ее своей копией? – поддразнила меня Валерия.

Я засмеялась.

– Не совсем.

– Твоя девочка так здорово получилась, – сказала Хана, зевая. Ее прямые черные волосы обвили тело, словно щупальца. Она старалась держать глаза открытыми, но незаметно для нее они сомкнулись плотно и аккуратно, как складка на бумаге.

– Я и не собиралась нарушать правила.

– Конечно, собиралась, Камиль. – Уголки рта Эдель дрогнули. – Дюбарри выглядела так, будто ее ушипнули. У нее даже щеки стали вишнево-красными. Я так тобой гордилась. Мне надо было вообще отказаться делать трансформацию. Пусть бы меня посадили на платформу, подняли наверх, а потом я просто встала бы. Можешь себе представить? Дюбарри скорчила бы такую физиономию, что уродливее в королевстве и не найти. Я и правда подумывала так сделать, но тогда она выпустила бы из меня всю кровь. Она мне самых злых пиявок дает, клянусь.

– Узор, который ты выбрала на голове у девочки, получился грубоватым, – сказала Падма и захихикала.

– Тебя же он развеселил. – Эдель продемонстрировала почти все зубы в широкой ухмылке.

– А я не видела, – проснулась Хана. – Что ты сделала?

– Я выбрала буквы Н – А – В – О – З. Поэтому она и хочет со мной поговорить, – ответила Эдель.

Мы все засмеялись, представляя изображение девочки и выбритого слова рядом с картинкой коровей лепешки в вечерних газетах по всему королевству. Когда мы были маленькими и хотели выбраться из комнат после отбоя, мы оставляли друг другу записки с этим словом и указанием, где сейчас находится Дюбарри.

В комнату вошла Амбер.

– Я тоже думаю, что вы обе не должны были этого делать. Я даже слышала, как перешептываются слуги. Вы проявили неуважение.

Эдель вздохнула.

– Конечно же, ты так думаешь. Ты всегда делаешь, как велено. И знай, я подсунула девочке один из токенов Дюбарри, чтобы она смогла прийти ко мне, где бы я ни оказалась, и все исправить. Я это ради смеха сделала.

Амбер повернулась ко мне.

– А ты как будешь оправдываться?

– Меня посетило вдохновение, – заявила я. – Так я и скажу Дюбарри.

Амбер сжала губы, в точности как Дюбарри, и в ее взгляде я прочитала: *Я-же-говорила-тебе-следовать-правилам.*

– Да какая разница, Амбер. Мы обе показали людям представление и подарили репортерам интересный материал для публикаций. Вот в чем смысл, – огрызнулась Эдель.

Амбер сжала кулаки, как будто собралась подражаться. И мне снова вспомнилось, что мы с ней поссорились. В ее глазах заблестели слезы.

– А может, Камиль или меня выберут фавориткой. – Взгляд Эдель чуть не прожег в Амбер дырку.

– Еще ничего не решено, – сказала Амбер. – Нам не стоит...

Вошла служанка с графином теплого масла, и мы замолчали. Тихо, словно полет пера, она втирала масло в волосы Падмы, заставляя их блестеть в неярком свете, словно оникс. Потом пришла моя очередь, и каждый мой локон был пропитан сладкой жидкостью и заколот на затылке. Еще одна служанка прикрыла пледом храпящую Валерию, и затем они снова исчезли.

– Дюбарри запретила нам это обсуждать, – сказала Амбер.

Хана и Эдель бросили на меня раздраженные взгляды. Такие же, как Валерия, когда парикмахер укладывала нам волосы в пучки, а Амбер хвасталась, что никто не может создать кудри лучше нее. За спиной девочки всегда называли ее «пташкой» Дюбарри.

– Боишься проиграть, Амбер? – Слова Эдель лишь подлили масла в огонь и еще больше разозлили сестру.

– Это не игра, – сказала я совсем как Дюбарри. – Успокойтесь все. – Я попыталась улыбнуться Амбер, чтобы спустить все на тормозах. Ее руки тряслись, а сама она покраснела с головы до ног, словно ошпаренная.

– А тебе не все равно, Эдель? Ты же ненавидишь быть Прекрасной, – сказала Амбер. Напряжение распространилось по комнате, как толстое одеяло, готовое задушить всех нас. Пока мы росли, такие ссоры разгорались по любому мелкому поводу: из-за стула на веранде, где мы завтракали, из-за оценок... Мы спорили, кто лучше разбирается в истории Прекрасных, кого больше хвалила Дюбарри. Жаркие споры длились неделями, как палящее солнце в теплый сезон.

Хана подняла руки вверх и замахала.

– Прекратите! Мы уже слишком взрослые для этого.

– А еще у нас сегодня день рождения, – напомнила Падма.

– Ой, да мне все равно. – Эдель поднялась из кресла. – Я просто не думаю, что это должна быть *ты*, Амбер, просто потому что ты всегда все делаешь по указке.

По глазам Амбер было видно, что ей больно слышать такое.

– Быть Прекрасной – это честь...

– У наших экипажей стоял мальчик, – выпалила я.

Эдель, Хана, Падма и Амбер повернули головы в мою сторону. Готова поспорить, что мои щеки стали пунцовыми.

– Он стоял у ворот.

– Мальчик? – Падма хлопнула в ладоши.

– Что произошло? Что он вообще от тебя мог хотеть? – Амбер обрушила на меня шквал вопросов. – Как он прошел через охрану?

– Что он сказал? – спросила Хана.

– Он спросил, могу ли я сделать человека из глины, как написано в заголовках газет...

– Эти репортеры понятия не имеют... – начала было Амбер.

– Да, Амбер, мы знаем. Дай ей закончить, – ответила Эдель, нахмурившись.

– Мы стояли вдвоем, – сказала я. – Не знаю, куда ушел стражник.

– Ты напугалась? – спросила Падма. – Я бы на твоём месте вся тряслась от страха.

– Нет. – Я вспомнила о том, как юноша меня рассмешил.

– А стоило бы. Это запрещено, – сказала Амбер.

Хана сморщила нос, как будто съела лимон.

– Тихо, Амбер. Как он выглядел? – Эдель наклонилась ко мне, свесившись с шезлонга. – Кто-нибудь, разбудите Валерию. Ей надо это услышать.

Падма подошла к креслу Валерии и потрясла ее за плечо. Та перевернулась и снова захрипела.

– Она опять будет ныть, что все пропустила.

Амбер скрестила руки на груди. Ее лицо сравнялось цветом с копной темно-рыжих волос.

– Какая разница, как он выглядел? Ей следовало не разговаривать с ним, а позвать стражу или присоединиться к нам. Это небезопасно.

– Он красивый, – сказала я. – Очень даже.

Падма, Эдель и Хана захихикали. Глаза Эдель расширились.

– Он хотел тебя поцеловать?

Амбер фыркнула.

– Вовсе нет, – сказала я.

– Я о таком слышала. Некоторые думают, что поцелуй Прекрасной принесет удачу и процветание всему их дому. Дочери Богини Красоты – самые везучие люди в королевстве Орлеан. Наверное, этого он и хотел, – предположила Хана.

– Не смей меня, – сказала Амбер.

– Что страшного в поцелуе? – Хана подпрыгнула, целуя воображаемую фигуру, и пустилась с ней в пляс по комнате, Эдель присоединилась к ней. Они превратились в вихрь из бледных рук и ног. Все покатались со смеху, кроме Амбер.

– Это была бы катастрофа. – Амбер вскинула руки, а ее глаза наполнились злыми слезами. – Мы Прекрасные, а не куртизанки. Их и так полно при дворе, и все готовы целоваться. Ронья туфли и собственное достоинство, бегают за титулованными придворными из высокородных домов.

Я потянулась к Амбер, чтобы успокоить, но она отвела руку.

– Может, он в тебя влюбился. – Эдель плюхнулась в кресло и мечтательно уставилась в потолок. – Я бы все отдала, чтобы почувствовать или увидеть что-нибудь другое.

Любовь и поцелуи вызвали во мне такое любопытство, что на лбу стали появляться капельки пота. Как бы интригующе это ни выглядело, я не уверена, что мне хотелось бы испытать это.

– Не глупите. Невозможно получить сразу все. Кто захочет любви, когда можно быть могущественной? – сказала Амбер.

– Мы просто поговорили. Вот и все, – ответила я. – Какой же сегодня потрясающий вечер. Давайте лучше это обсудим.

– Помните, что случилось с Роз Мари? С Прекрасной из прошлого поколения, которая пыталась выйти замуж. – Амбер заговорила, словно ученый историк, хотя нам всем было известна эта история. Дюбарри предупредила нас, что Роз Мари подхватила болезнь, которая поражает всех Серых. Когда она вернулась домой из дворца, нам едва исполнилось четырнадцать. Она редко покидала комнату. Иногда мы спорили, кто сможет подойти и посмотреть, что у нее под вуалью. Первая, кому бы это удалось, получили бы славу и право на все наши десерты за ужином. Никто так и не выиграл.

– Это был сын Мадам Бонтам из дома Реймс, одной из королевских фрейлин. Их поймали вместе...

– Мы знаем, Амбер, – сказала Эдель.

– Они посадили его в одну из голодных камер, – добавила она.

Падма заткнула пальцами уши.

– Я не хочу больше про это слушать. Вы же знаете, это для меня слишком.

– Амбер, я не говорила, что *хочу* влюбиться...

Амбер издала возмущенный вопль и вылетела из комнаты.

– Что с ней происходит? – спросила Хана.

– Она все принимает близко к сердцу, – ответила Эдель.

– Просто день выдался напряженный, не иначе. – Я оглянулась, высматривая силуэт в коридоре, потом встала, чтобы поискать Амбер, но медсестры хлынули в комнату до того, как я успела выйти.

– Пожалуйста, присядьте, – сказала мне одна из них.

Страх поднялся изнутри. Неважно, сколько укулов я перенесла, я никогда не смогу к ним привыкнуть. Вот бы Мадлен была тут, она хотя бы пересказала бы мне все домашние сплетни: как придворные спорили о выборе цвета или выкрикивали оскорбления после процедур. К моменту, когда она бы закончила, вся проверка уровней аркан подошла бы к концу.

На лице у всех медсестер было одинаковое безрадостное выражение. Женщины, неся с собой подносы, подошли к нам. Одна из них взяла мою левую руку, закатала широкий рукав ночной сорочки и повязала красный жгут вокруг бицепса. Я придумывала историю ее жизни и представила, как рассказываю ее Мадлен. Медсестру зовут Жакалин, на Шелковых Островах у нее двое маленьких дочерей, которые пьют розовый лимонад, качаясь в гамаках на частном пляже с видом на Залив Шелка. Муж Жакалин – отъявленный мерзавец, который бросил их, сбежав на Огненные Острова.

Сестра прижала два пальца к сгибу локтя и изучила вену. Зеленые дорожки поднимались над коричневой кожей. Она вынула иглу из серебряного лотка и показала ее перед тем, как воткнуть мне в руку. Я до сих пор терпеть не могу момент, когда игла протыкает кожу, будто тоненькую шелковую тряпочку.

Я сжала пальцы и скорчила гримасу. Медсестра легонько хлопнула меня по руке, чтобы я ее разжала. Кровь змейкой поползла по длинной трубке. Она наполнила три пробирки, каждая для своей арканы. Развязав красный жгут, медсестра убрала иглу. Кусочек ваты, закрывший место укола, показался мне крошечным облаком. Когда его убрали, ранки будто бы и не было.

– Арканометр, – сказала она.

Я подняла небольшое устройство с подноса и держала, пока она не разместила каждую пробирку в одном из трех отдельных углублений. Моя кровь кружилась водоворотами в трех отдельных камерах устройства, пенясь, отделяя протеины, содержащие арканы, и определяя, каким из них потребуется балансировка. Я провела пальцем по латунному корпусу машины, ощущая вибрирующий гул работающих шестеренок и контуры цифр, которые скоро загорятся, демонстрируя мои показатели.

Над первым отделением загорелось слово ХАРАКТЕР, словно внутри задрожал огонь свечи. Идеальный баланс, какой и должен быть у неиспользованной арканы. Медсестра повторила процедуру для второй колбы. Высветилось слово АУРА. Я прикоснулась к буквам. Эта аркана – моя любимая. Прибор показал цифру три.

Глаза моей медсестры расширились от удивления. Я взглянула на нее. Она нажала на кнопку еще раз. Та же цифра наполнилась светом. Она издала странный звук, видимо, означавший крайнюю степень удивления, и сделала отметку в журнале. На уроках Дюбарри говорила, что наши тела по-разному приспособлены к использованию арканы. Она предупреждала, что, если уровень арканы упадет до нуля, Прекрасная потеряет сознание, заболеет или даже умрет. Нам надо быть осторожнее и не злоупотреблять своим даром. *«Что Богиня Красоты дает, то она может и забрать»*.

Эдель покосилась на мой измеритель.

– Это очень мало. Дюбарри говорила, что после Карнавала он опустится только до четырех с половиной.

– А у тебя какой уро...

– Тс-с. – Медсестра шлепнула меня по руке. – Вам не следует обсуждать показатели друг друга.

– Не указывай нам, что делать. – Эдель поднялась.

– Успокойся, – сказала Падма.

– Измерения закончатся через минуту, – добавила Хана.

Я потянулась к Эдель. Она оттолкнула мою руку.

– Тебе разве не надоело, что нами постоянно понукают?

В моей голове загудел ответ *«да»*.

– Вы не медсестра.

Они продолжили спорить, пока медсестра не позвала слуг, чтобы вывести Эдель из комнаты.

– Просто послушайте, – начала я.

– Я уже наслушалась. – Она попыталась отмахнуться от приближающихся слуг, но ее скрутили и утащили, несмотря на сопротивление и крики. Когда мы были младше, Эдель взрывалась как фейерверк, если не хотела читать буклет или книгу, заданную Дюбарри, или идти спать до восхода первой звезды, или есть улучшающую кровь пищу, приготовленную нашим шеф-поваром.

Моя медсестра никак не отреагировала. На ее лице не было ни намек на то, что она вообще заметила произошедшее. Она нажала последнюю кнопку арканометра. Загорелось слово ВОЗРАСТ и появилась цифра пять. Амбер вошла в комнату с арканометром в руках. Интересно, похожи ли ее показатели на мои, успокоилась ли она.

Слуги вкатили тележки с фарфоровыми сосудами, укрытыми серебряными крышками с отверстиями для воздуха. Подняв их, они опустили внутрь серебряные щипцы, чтобы извлечь из воды червей. Пиявок. Те извивались и корчились. Когда их положили на подносы каждой из медсестер, их рты стали открываться и закрываться, демонстрируя маленькие острые зубы. Их спины покрыты пустыми сосудами в форме бриллиантов. От отворачивания все внутри перевернулось. Я должна была к ним привыкнуть. Детьми мы ухаживали за пиявками, размножали их, изучали пользу, которую их вид приносит Прекрасным, и как они помогают очищать кровь.

– Эти выглядят по-другому. Больше. Что за бриллианты?

Сестра подняла одну над моим запястьем.

– Они такие же. Просто более крупный вид, чтобы вмещать больше крови. – Она поднесла пиявку еще ближе. – Сосуды улучшают фильтрацию и помогают пиявке делиться большим количеством очищающего секрета. – Она держала пиявку прямо надо мной.

– Я сама. – Она передала мне серебряный инструмент. – Только две.

Она покачала головой и показала четыре пальца.

– Приказ Мадам Дюбарри. Ты нарушила правила, и уровень аркан сильно упал.

Я сама извивалась, как пиявка, зажатая в щипцы. Прикусив нижнюю губу, я решила, что чем быстрее я это сделаю, тем быстрее отправлюсь спать. Утром я буду на шаг ближе к назначению фавориткой.

– Мне принести ремни для рук? – спросила она.

– Нет. – Я задержала дыхание и посадила пиявку на левое запястье. Она растянулась, обернувшись вокруг моей руки, как браслет из черных жемчужин. Ее укус похож на укол булавки. Маленькие присоски впились в кожу и вену. Ее черное высохшее тело расцвело красным. Бриллианты стали заполняться моей кровью. Я посадила на шею вторую пиявку, и та оставила полосу слизи, нащупывая толстую вену под подбородком.

– Хватит, – сказала я ей и бросила щипцы на ближайший столик. Падма жаловалась на боль от укусов. Хана тяжело дышала – три пиявки присосались к сгибу ее руки. Валерия так и продолжала спать, пока пиявки ползли по ее бедру.

Медсестра покачала головой, доставая еще одну пару пиявок из фарфорового сосуда. Одну она посадила мне на правое запястье, вторую – на лоб. Я закрыла глаза и делала медленные и глубокие вдохи через нос, стараясь расслабиться, пока маленькие создания наполняли себя моей кровью и впрыскивали мне протеины, улучшающие кровоток, восстанавливающие уровень аркан и вытягивающие напряжение этого дня.

8

Всю ночь я то бодрствовала, то погружалась в сон, где я снова была малышкой, а мама рассказывала мне истории о Богине Красоты. Услышав ее голос, я переместилась в нашу старую комнату. Красные оконные лампы покачивались на сквозняке и омывали стены рубиновым светом. Мы с мамой свернулись калачиком на кровати.

– Расскажи мне о ней, – спрашиваю маленькая я.

Мамины длинные волосы рассыпались волнами по подушке. Она прижимает меня так крепко, словно желает утопить в них. Мы не похожи на мать и дочь. Матери и дочери в сказках похожи, будто пара носков, а мы с ней – полные противоположности. У нее алебастровая кожа, а моя – золотисто-коричневая. У нее вишнево-красные прямые волосы, мои – шоколадно-коричневые и кудрявые. Ее губы тонкие, а мои полные. Стоило мне спросить, почему мы выглядим настолько по-разному, она говорила, что мы совпадаем, будто кусочки пазла, а наши глаза одинакового янтарного оттенка. И только это имеет значение.

– Почему Красота создала Прекрасных?

– В начале времен Бог Неба влюбился в Богиню Красоты, что неудивительно. Назвать ее красивой было бы преуменьшением.

– А как она выглядела?

– Она постоянно менялась. В один день она могла выглядеть как ты, а в другой – как я. Это приводило Небо в восторг. Ему нравились все ее воплощения. Из-за этого ему казалось, что каждую ночь он проводит с новой женщиной. Он мечтал, чтобы Богиня Красоты принадлежала только ему, и был щедр на комплименты, обещания, поцелуи и все, чего желало ее сердце.

– А чего хотела она?

Мама потрепала меня за щеку.

– Красивые вещи, – сказала она. – Облака, солнце и луну. Он велел Богу Земли создать в ее честь восхитительно вкусный фрукт.

– Гранаты.

– Да. – Она намотала на палец растрепанный завиток моих волос. – От его любви Красота породила всех детей Орлеана и проводила дни, совершенствуя их облик, делая каждого уникальным. Но она стала проводить с ними все больше времени, надолго оставляя своего возлюбленного на небе. Он звал ее домой, но она была занята своими детьми. Красота всегда говорила ему: «Я скоро приду», но теряла счет времени. Когда Небо устал ждать, в гневе он послал на землю штормы, и дождь, и молнии. И был потоп, и многие погибли.

– Ей надо было остаться с ним на небе.

– Любовь – это не клетка, малыш, – сказала она. – Любовь похожа на почтовый шар, отправленный по определенному адресу, но прокладывающий свой собственный путь.

– Красный почтовый шар.

– Конечно, лисенок. – Она поцеловала меня в нос. – Мне продолжать?

– Да, пожалуйста.

– Красота вернулась к мужу переполненная горем и выяснила, что он совсем не опечален. Узнав, что это он растревожил небеса над Орлеаном, дабы заманить ее назад, она покинула его. – Мама сделала паузу. – Рассказывая, она растягивала слова, как сладкое тесто, пока мои глаза расширялись все шире от любопытства. – Она сказала Небу, что ее единственной любовью была красота. В ярости он проклял всех своих детей. Их кожа стала цвета пасмурного дня, глаза налились кровью, волосы превратились в гнилую солому, а глубокая грусть, что он им дал, обернулись безумием. Сколько работы Красоте бы пришлось сделать, чтобы восстановить их прежний облик.

– Она попыталась?

Мама шикнула на меня.

– Ты хочешь услышать рассказ?

– Да, – прошептала я, уткнувшись в ее плечо. – Пожалуйста, продолжай.

– Часы, которые она потратила, пытаясь исправить своих возлюбленных детей, превратились в вечность и еще одну, пока...

В камине зашипел огонь, и я подпрыгнула от неожиданности.

– Она слушает, – прошептала я.

– Конечно, – ответила мама. – Она всегда нас слушает.

– Что случилось потом?

– Пока она не создала нас. – Мама мягко провела ногтем по моему запястью, следуя за виднеющейся под кожей веной. – Ее кровь внутри тебя. Ее магия внутри нас. Она живет в нас. На нас лежит ее благословение. Нам поручено делать работу, с которой не справилась она. Мы ее сосуды. – Она поцеловала меня в лоб.

– Камиль.

Я протерла сонные глаза, стирая сны и воспоминание о маме. Бледное лицо Амбер было совсем близко. Она сжимала мою руку под одеялом.

– Ты не спишь?

– Нет, что-то случилось? – прошептала я.

– Я хотела извиниться за вчерашний вечер. – От нее пахло лосьоном из апельсиновых лепестков, который она всегда наносила на волосы, чтобы добиться богатого медного оттенка. – Я просто... Я не понимаю, что произошло, я так...

– Разволновалась?

Она игриво толкнула меня в плечо и провела пальцами по лбу.

– Да.

– Я тоже не знаю, что произошло, – сказала я.

– Ты моя лучшая подруга. – Амбер подползла ближе, протянув ко мне руку. В этот момент она была совсем не той, что постоянно спорила со мной о правилах, магии и королевском дворе, не моей вечной соперницей. Она была моей сестрой.

– А ты моя.

– Я просто беспокоилась. – Она обратилась к моим собственным мыслям, словно могла читать мое сердце. – Я не хочу, чтобы мы изменились из-за этого.

– Завтра наша жизнь изменится полностью.

– Нам обязательно надо остаться *мной* и *тобой*. – Я прикоснулась ногой к ее ноге под одеялом. – Пообещай мне, что с нами все будет хорошо. – Ее губы затрепетали, а тело начала сотрясать дрожь. Внезапно Амбер зарыдала.

– Мы сестры. Ты моя лучшая подруга. Мои чувства к тебе никогда не изменятся. – Я крепко сжала ее руку. – Глубоко вздохни.

Я взяла с прикроватного столика носовой платок и попыталась вытереть ей лицо. Мы обе дышали медленно и глубоко.

– Откуда ты знаешь, что мы еще встретимся? – спросила она.

– Я не смогу прожить всю жизнь без разговоров с тобой. Ты мне нужна.

Она улыбнулась.

– Ты мне тоже нужна, но... но... Мне кажется, что это...

– С нами все будет в порядке.

– Но мы все хотим стать фаворитками, может, кроме Эдель.

Мы тихо засмеялись.

– Твоя Матушка была фавориткой из поколения наших матерей, – сказала Амбер.

– Если меня не выберут фавориткой, надеюсь, это будешь ты, – выпалила я.

– Правда?

– Конечно. Наши матери были лучшими подругами. Поэтому и мы лучшие подруги и должны ими остаться. Они бы этого хотели. – Я старалась побороть слезы, которые подступили при мыслях о маме. Она бы не захотела, чтобы я их тратила, а предпочла бы видеть меня счастливой, ведь мое выступление прошло успешно. Мне следует сосредоточиться на будущем.

– Я просто не уверена, что справлюсь, – вздохнула Амбер.

– С чем?

– С поражением.

– Но что, если я выиграю?

Она сжала в кулаках покрывало.

– Я обязана стать фавориткой.

– Я тоже этого хочу.

Между нами снова повисла тишина. К щекам Амбер снова прилила кровь.

– Ты не понимаешь. – Она попыталась слезть с кровати, но я поймала ее за руку.

– Понимаю. – Я потянула ее назад. – Останься, не бросай меня.

Она скользнула ко мне под одеяло. Ее кожа была все еще горячей от злости. Я повернулась и уткнулась лицом в подушку. Амбер обняла меня сзади, намотала на пальцы несколько завитков моих волос, словно ленточки на палку, и прошептала: «Мне жаль», и мы снова стали девочками, ночующими друг у друга в кроватях, с нашими обычными тревогами, желаниями и мечтами о будущем.

Я проснулась от звука воды, текущей в фарфоровый таз. Запах лаванды, смешанной с розой, пробивался сквозь занавески. Мои веки задрожали, когда балдахин приоткрылся.

– Доброе утро, Леди Камелия, – прошептала служанка. У нее были бледная кожа, карие глаза и розовые щеки – все как у всех, за исключением рассыпанных по переносице веснушек.

Она осторожно помогла мне выбраться из кровати, чтобы не разбудить Амбер, которая растянулась на покрывале. Я окинула взглядом комнату и остальные пять кроватей. Занавески вокруг них оставались плотно закрытыми.

– Умывайтесь, и я отведу вас к Мадам. Она ждет в главной гостиной.

Смыв остатки сна, я вошла в дневное бирюзовое платье, которое мне приготовили. Служанка вернулась, уложила мои волосы в простой неукрашенный пучок и повязала кремовую ленту вокруг моей талии.

Дома по утрам нас будила звуковая коробочка. Завтрак подавали на веранде. Хана последней покидала свою комнату и первой начинала жаловаться, что блины остыли, а лучшие кусочки фруктов разобрали до ее прихода. Мы принимали ванну, одевались и спешили на уроки, где у Дюбарри всегда был наготове список заданий.

Но сегодня – первый день новой жизни.

В коридоре покоев Прекрасных бурлила жизнь. С потолка прекрасной паутиной свисали цветочные гирлянды. Утренние фонарики летали над головой. Чайники захлебывались паром. Люди сновали туда и сюда с какими-то свертками, бельем и подносами в руках.

– Как тебя зовут? – спросила я служанку.

– Мое имя не имеет значения. – Она склонила голову и продолжила идти вперед.

– Нет, имеет. Скажи, пожалуйста.

– Бри, миледи, – прошептала она.

– Приятно с тобой познакомиться.

– И мне, миледи.

Мы остановились перед дверью, ведущей в гостиную. Я поежилась.

– Она ждет, – прошептала Бри.

Я переступила с левой ноги на правую, потом с правой на левую, и служанка завела меня внутрь.

– Она сильно злится?

– Она съела целый поднос лимонных пирожных.

Дверь открылась. Дюбарри сидела на стуле с высокой спинкой, лицом к камину, держа между пальцами нефритовый мундштук. Кончик сигареты горел так же ярко, как и огонь в очаге. Она что-то ворчала себе под нос, изучая подносы с баночками косметики и помадой, и давала указания Элизабет.

Бри проводила меня вперед, посадила на соседний стул и похлопала меня по плечу перед тем, как выскользнуть из комнаты.

– Демонстрационные образцы готовы. Цвета этого ветреного сезона: яркий кобальт, туманная мальва, коньяк, пурпурно-красное вино, сияющая орхидея, зеленый кипарис и серый шторм. Мадам Помпадур отправила с дочерьми новые ароматические шарики в виде четок, как образец для холодного сезона. Ароматы просто восхитительные: ягоды можжевельника, лаванда и зимняя дыня. В качестве флаконов они использовали небесные жемчужины со Стеклянных Островов. Какая женщина в Орлеане не захочет иметь такой у себя в парфюмерном наборе? – сказала Дюбарри. – Разве они не прелестны, Элизабет?

– Да, Матушка. Они принесут нам много ли, – сказала Элизабет.

Я вмешалась в их разговор:

– Когда королева выпустит официальное уведомление о распределении парфюмерных наборов?

– Скоро, и мы будем к этому готовы. – Дюбарри подала знак прислуге убрать поднос с кофейного столика, а затем повернулась ко мне с весьма разочарованным видом. – Вчера вечером ты не следовала правилам, Камелия.

Элизабет поперхнулась чаем и начала кашлять, а затем принесла извинения. Я сглотнула и пообещала себе не опускать взгляд перед Дюбарри. Глаза цвета голубой стали прожигали меня насквозь. Я старалась перестать чувствовать себя маленькой девочкой, которая всегда подсакивала, стоило Мадам войти в комнату. Я – девушка, которая ничего и никого не боится. Несмотря на это, страх уже пустил во мне корни.

– Хотя твоё выступление было весьма впечатляющим и искусным, меня оно беспокоило. Я поговорила с Министром Красоты. – Слуги поставили перед ней тарелку со сладостями. Дюбарри положила в рот слоеное пирожное с малиновым кремом, быстро прожевала и взяла три медовых печенья. – Тебе было сказано использовать вторую аркану для создания образа, описанного в карнавальной досье. Небольшие изменения, которые бы продемонстрировали, что ты готова служить великому Орлеану. Ни больше ни меньше. Твое вопиющее пренебрежение правилами, Камелия, особенно на виду всего народа Орлеана, поставило нас в непростую ситуацию. Стоит ли нам убрать тебя из списка претенденток на звание фаворитки или допустить твою кандидатуру, несмотря на твои художества? Чтобы стать успешной Прекрасной, ты должна уметь следовать инструкциям. Это безрассудство напомнило мне о низких оценках, которые ты получала во время обучения, потому что просто игнорировала правила. Ты не можешь вот так вот...

– Но людям понравилось. – Я не смогла сдержать горьких слов. Элизабет закрыла рот рукой. Слуги вернулись в комнату с чайными тележками. Подавая чай, Бри чуть не уронила чашку мне на колени, но я аккуратно взяла ее в руки. Я так старалась получить восторженную реакцию от толпы, что не могла позволить кому-либо стереть мои усилия, как картинку, нарисованную мелом на классной доске.

Дюбарри опустила плечи так, будто я ее ударила. Она прищурила глаза, напрасно желая, чтобы я отвернулась. Во мне поднялся гнев. Мне казалось, она будет довольна такой реакцией публики.

– Я не потерплю неуважения, – сказала она. – Нарушитель правил будет наказан. Чайная чашка в моих руках задрожала, и я опустила глаза.

– Я не пыталась...

– Это не игра, в которой можно победить, – сказала Дюбарри. – Этим традициям сотни лет. Они проверены временем и оберегают нас. Ты думаешь, что показала миру, на что способна? Думаешь, смогла их развлечь? В действительности ты показала королеве, что не способна следовать указаниям, что ты больше заинтересована в том, чего хочешь сама, а не в том, чего хочет клиент.

Возможность стать фавориткой увядала на глазах, как умирающий цветок. Слова Дюбарри высушили каждый лепесток и переломили стебель.

– Ты показала Ее Величеству, что тебе нельзя доверять выполнение обязанностей, возложенных на Прекрасных, ты не способна делать их должным образом. Несмотря на то что ты достаточно талантлива, чтобы стать фавориткой, возможно, тебе не хватает дисциплины, приличествующей такому солидному титулу. Выбрать тебя было бы слишком большим риском. Ты чересчур неуправляема, чтобы возложить на тебя эту священную ответственность. И вся показушная демонстрация серьезно понизила твой уровень аркан.

Ее слова соединялись в цепь, проникающую мне под кожу и стремящуюся сковать мое сердце. Я думала о маленькой Холли, стоящей на платформе, о коконе и плакатах с изображением ее нового лица и о довольной скандирующей толпе. Все это перестало казаться мне умным ходом. До меня начала доходить вся глупость моего поступка.

– Использование твоих сил для манипуляций с тканью и растениями выходит за рамки положенного использования магии и ослабляет ее. – Дюбарри испустила самый долгий и тяжелый вздох за весь разговор. – У тебя всегда были чрезмерные аппетиты, амбициозная ты душа. – Она будто выплевывала каждое слово. – Но ты должна знать, Камелия, амбиции ведут к сумасшествию. Ими питается Бог Безумия.

– Я думала, что должна была показать им все, на что способна. Разве не в этом смысл Карнавала? – спросила я осторожно.

Дюбарри откинулась на спинку стула.

– Ты вообще слушала, что тебе говорили на уроках? Или у тебя в одно ухо влетело, в другое вылетело?

– Конечно слушала. – Я сжала руки кулаки. – Я просто не понимаю...

– Так и есть. Ты не понимаешь. В противном случае ты бы не совершила такую глупость. Смысл в том, чтобы показать, что ты достаточно сильна для выполнения своей роли. Показать, что ты способна, уверена и умеешь управлять магией, что ты можешь служить этому великому миру. – Дюбарри поставила чашку на стол. – Твоя маленькая демонстрация могла бы откинуть нас в прошлое, во времена, когда все хотели выглядеть одинаково. Разве ты забыла уроки истории? Правление королевы Анн-Мэри II из династии Вердун. Люди были неотличимы друг от друга. Представь себе, что все бы захотели выглядеть как *ты*. Что, если бы они были согласны платить только за твою внешность? Вокруг бы ходили миллионы твоих копий. Это хуже, чем снова стать серыми. Красота – это разнообразие. Красота – это изменения.

Я бы не хотела, чтобы все в мире выглядели как я, чтобы все стали одинаковыми. Стыд и смущение стучали у меня в висках, а к горлу подступила тошнота. Я старалась не смотреть на собственное отражение в зеркале над каминной полкой.

– Мы не можем допустить, чтобы такая выходка повторилась. Ты будешь следовать правилам и вести себя подобающе. Ты поняла?

Я кивнула.

– А если ты будешь не в состоянии это сделать, мы будем вынуждены принять более решительные меры. То, что ты родилась Прекрасной, не означает, что ты ей и останешься, – сказала Дюбарри.

Меня будто ударили. Чашка выпала из моих рук. Бри кинулась мне на помощь, вместе мы вытерли коричневые подтеки с моего платья. Кожа на руке распухла и покраснела от ожога. Но это мелочи в сравнении со словами Дюбарри. Что значит – я не останусь Прекрасной? Нас всего шестеро. Кем мне еще быть? Где мне жить? Что я буду делать? Может ли Богиня Красоты внезапно забрать свои дары и мою магию? Я стану Серой? Вопросы бились в голове, как птицы в клетке.

– Могу поспорить, что за энергичным планированием будущего ты не потрудилась узнать о Хизер Борегард.

– Однажды я пыталась рассказать ей об этой Прекрасной, но Камелия никогда не слушала, Матушка. – Элизабет улыбнулась мне.

Я постаралась скрыть эмоции, несмотря на то что мне бы хотелось убрать с ее лица самодовольную ухмылку. Не хочу, чтобы Дюбарри знала о волнении и вопросах, не дающих мне покоя. Нельзя показать Элизабет, что ее слова меня задели.

– Она жила за три поколения до твоей матери. Очень талантливая Прекрасная, которую назначили фавориткой. Однако она не следовала моим инструкциям и не понимала, какой чести удостоила ее Богиня Красоты. Мне пришлось убрать ее из дворца и поместить в Красный Дом. Я не позволила ей вернуться. Я сделаю это снова, если ты не будешь подчиняться. В твоей крови слишком много страстей, Камелия.

Она подала сигнал Бри, что разговор закончен. Я встала и направилась к двери вместе со служанкой. Каждый удар сердца отдавался в моих ушах.

– Вне зависимости от того, будешь ли ты избрана, останешься или отправишься в один из чайных домов, я могу вернуть тебя домой в любую минуту, – сказала Дюбарри. – Элизабет будет за тобой наблюдать. Как и я. А теперь приведи Эдель.

Дверь за мной закрылась.

9

Пока я завтракала и купалась в онсене, слова Дюбарри, не затихая, зудели у меня в голове. Я будто плыла над всем, что меня окружало, не в силах бросить якорь. После обеда я стояла в Королевском Ателье на постаменте, одетая в скользкий кринолин. Слуги измеряли лентами наши талии, руки и ноги и записывали мерки на пергаментной бумаге.

Элизабет наблюдала за нами. Я вновь прокрутила в голове утренний разговор.

– Что произошло у Дюбарри? – спросила меня Падма. – Ты в порядке?

– Все нормально. – Я постаралась улыбнуться. *Все будет хорошо.*

– А по виду и не скажешь. – Хана протянула руку и потрепала меня по плечу.

– Она мне угрожала, – сказала Эдель с гордостью.

Элизабет прокашлялась, и Эдель заговорила еще громче.

– Она так взбесилась, что я думала, у нее вена на шее лопнет.

– Ты принимаешь все это всерьез? – спросила Амбер.

– Твоей серьезности и так на всех хватает, – ответила Эдель. – Дюбарри сказала мне, что отправит меня на разговор к Министру Красоты. Как будто я должна испугаться или что-то в этом роде. – Она рассмеялась, но мне по-прежнему было страшно. Я не хочу всего лишиться.

– Сложно сказать, добрая Министр Красоты или злая, – проговорила Хана. – Я так и не решила, что о ней думать.

– Да кому какое дело, добрая она или нет? – Эдель разозлилась на служанку, пытающуюся измерить длину ее рук. – Я не собираюсь говорить с ней о моем *поведении*.

– Ее уже дважды избирали, – сказала Валерия и положила ладонь на живот. – Почему одна из вас не может сделать мою талию тоньше? У меня самый большой размер.

– Мы от этого можем заболеть, Валерия, – огрызнулась Амбер.

– Знаю, я просто... – коричневая кожа Валерии порозовела, и она нахмурилась.

– Амбер, ты все еще расстроена? – Эдель приподняла бледные брови. – Потому что нет другого оправдания твоему занудству после такого вкусного обеда.

Падма цыкнула, копируя Дюбарри.

Хана покачала головой.

– Я просто говорю правду, – сказала Амбер.

– Тогда *твое* тело похоже на шест, – ответила Эдель. – Никто никогда тебя не захочет, даже если тебе самой вздумается попробовать.

– Не надо грубить. Клянусь, ты самая невоспитанная из нас, – сказала Амбер. – Я не хотела тебя обидеть, Валерия. Ты такая, какой Богиня Красоты захотела тебя сделать. У тебя хотя бы есть грудь.

– Да, Амбер, а ты плоская, как блин. – Эдель соскочила со своего постамента, отпихивая очередную служанку. – Фигуры в форме песочных часов и красивые округлые тела всегда будут в почете, пока я буду фавориткой. – Она схватила Валерию за руку, потянула ее вниз и, обняв за талию, уткнулась носом в шею. – Я бы все отдала за такую фигуру, как у тебя.

Валерия захихикала. Эдель дотянулась до меня, и мы втроем закружились по комнате. Мы смеялись, визжали и уворачивались от служанок.

– Не грусти и не давай Дюбарри взять над тобой верх, лисенок, – прошептала Эдель. – Кому какое дело, что она говорит.

Элизабет одернула нас:

– Возвращайтесь на места.

– Нет. – Эдель послала ей воздушный поцелуй.

Как бы мне хотелось стать похожей на Эдель и не так страстно желать всей этой жизни!

– Вернитесь на постаменты, – попросила служанка.

Мы продолжали крутиться.

– Девочки! – закричала Элизабет.

Поворот, а за ним еще один. Мы не останавливались. К нам присоединилась Хана. Амбер лишь тяжело вздыхала, а Падма заливалась истерическим хохотом.

– Я наведу здесь порядок, – завопила Элизабет.

– *Я наведу здесь порядок*, – передразнила Эдель, и мы все захихикали.

– Леди, пожалуйста. Нам надо работать, – сказала одна из портних.

Внезапно открылась дверь.

Мы с Эдель, Ханой и Валерией замерли. Амбер и Падма завизжали, пытаясь прикрыться.

– Королевский Министр Моды Гюстав Дю Полиньяк, – объявил сопровождающий.

– Ну здравствуйте! – Мужчина в пурпурном костюме вальяжно зашел в окружении напудренных и чопорных спутников с записными книжками в руках и целой толпы портных и швей, которые вкатили внутрь огромные прядильные станки. – Я смотрю, у нас тут веселье идет полным ходом. Не волнуйтесь, девочки, чего я только не видел.

Его темно-коричневое лицо с красивыми чертами было усыпано веснушками, как печенье – шоколадной крошкой. Он положил руку на грудь, постукивая ногтями, украшенными драгоценными камнями.

За ним вошла Министр Красоты. Ее темные волосы были уложены в подобие птичьего гнезда, внутри которого сидели две настоящие голубые сойки. При виде нас они расчирикались. Министр Красоты улыбнулась мне, обнажив белые, как клавиши пианино, зубы.

– Какие энергичные девушки, – сказал Министр Моды и осторожно расцеловал свою коллегу в обе щеки, чтобы не оставить следов ярко-фиолетовой помады, покрывающей его губы.

Дюбарри вошла последней и начала хлопать. Остальные присоединились к аплодисментам.

Министр Моды поклонился и улыбнулся нам. Я видела его в газетах, где он демонстрировал правильный способ носить корсет по императорским законам красоты. Шнуровать надо было достаточно плотно, чтобы соответствовать желаемым параметрам, приличествующим гражданину Орлеана, но и с уважением к моде, чтобы создать идеальную форму, к примеру, песочных часов. Он был эталоном вкуса в нашем королевстве и отвечал за производство одежды.

– К вашим услугам.

– Он пришел творить магию, – сказала Министр Красоты. – Он и его команда, разумеется.

Прочие хорошо одетые мужчины улыбнулись ей, некоторые покраснели.

– Да, мы с моими модниками спешим на помощь. Прекрасной необходим элегантный гардероб, как художнику нужны чернила и краски. – Министр Моды помахал в воздухе тростью с золотым набалдашником. Стуча каблуками, он кружился по комнате, изучая нас всевидящим, как луч прожектора, взглядом. Наклонившись, он прошептал: – Добро пожаловать ко двору.

Мы подпрыгнули от неожиданности и рассмеялись.

– Прекрати их пугать, Гюстав. Ты же знаешь, что они не привыкли к рыскающим вокруг мужчинам, – упрекнула его Министр Красоты.

– Не бойтесь меня, куколки. Я совсем не заинтересован в женской компании, если вы понимаете, о чем я. Я пришел убедиться, что у вас на каждый случай найдется подходящее платье. Позвольте сказать и убейте меня, если я не прав, что мода – самый важный элемент красоты.

Министр Красоты легонько его толкнула, и они снова расцеловались.

– Вы восхитительно выглядите, – промурлыкал он.

Один из сопровождающих Министра Моды плавным движением снял с себя мантию из горносталя, обнажив золотой медальон королевского министерства, другой поправил прическу гребнем с широкими зубцами. Министр помахал блестящей запасной рукой, украшенной бриллиантами, и поблагодарил свою команду, и обратил взор к Элизабет.

– А не юная ли это Дюбарри, приехавшая приобщиться к дворцовым делам?

Та присела в реверансе.

– Я Элизабет Эми Лонж Дюбарри, дочь Хранительницы Розы, и я неплохо разбираюсь в придворной жизни.

– Но разбираешься ли ты в красоте? – спросил он. – По виду не скажешь.

Эдель рассмеялась, но была вынуждена замолчать под тяжелым взглядом Дюбарри.

– Разумеется, разбирается, Гюстав. Она же моя дочь, – сказала Дюбарри с гордостью.

Он обошел вокруг Элизабет и повернулся к Мадам.

– Предстоит еще много работы, Ана, чтобы она доросла до твоего уровня. – Он поцеловал Дюбарри в неохотно подставленную щеку. – А сейчас пришло время наряжать Прекрасных, а после этого всему миру предстоит узнать, кто же из них избранная.

Слуги установили ширмы и открыли чехлы с тканями. Шелк и шерсть, кринолин и хлопок, атлас и тафта, тюль и бархат были разложены по длинным столам. На многоярусных поддонах лежали пуговицы, тесьма, ленты, всевозможные драгоценные камни и сотни прочих мелочей. Служанка поторопила меня пойти за ширму и помогла взобраться на постамент. Она развязала пояс, обернутый вокруг моих бедер, расплела шнуровку нижней юбки и сняла кринолин. К нам присоединилась портниха с набором необходимых швейных принадлежностей.

– Какое платье вы сошьете? – спросила я.

– То, которое приказал сшить Министр Моды. Он выбрал гамму, исходя из цвета твоей кожи. – Она села за громоздкую машину с тремя прядильными валами и двумя ткацкими станками. Ее толстые руки протянули нить сквозь последовательность петель и штырьков. Нога нажала на педаль. Машина с рыком пробудилась, скрипя, как старая карета на булыжной мостовой. Красные, черные и белые нитки оказались вплетены внутрь через цепочку направляющих.

Несмотря на то что меня столько раз наряжали и измеряли, я никак не могла привыкнуть к ощущению, что в эти моменты мое тело мне не принадлежит. Я превращалась в куклу, объект для украшения. Интересно, то ли это чувство, которое испытывают женщины на наших процедурных столах? Вот бы я могла сама выбирать себе платья. Я предпочла бы что-нибудь простое: красное платье с завышенной талией такого же цвета, как волосы моей мамы, с кремовым поясом и широкой юбкой, струящейся шелковой рекой.

Служанка помогла мне надеть халат и отвела в купальни принимать вторую ванну за этот день. Теплый свет фонариков отражался от розовой плитки и позолоченных зеркал. Вдоль стены тянулся ряд ванн на изогнутых ножках.

Амбер сидела перед зеркалом, разложив на туалетном столике свой бьютикейс. Валерию и Хану уговаривали поспешить с купанием. Трое слуг сушили волосы Эдель.

Мои ступни погрузились в пушистый ковер. Купание было окончено, – я залезла в воду и вылезла быстрее, чем она успела смягчить мою кожу. Банная служанка подвела меня к туалетному столику. Плавными движениями она вытерла мои руки, ноги и лицо влажным полотенцем, отполировала ногти, покрыла лаком и просушила. Она обула меня в красные туфли. Другая женщина дотронулась до моих век, заставив меня закрыть глаза. Я слышала, как они открывают отделения моего бьютикейса. В этот раз красивой будут делать меня: они припудривают мое лицо и наносят бальзам на губы.

Я слышала, как постукивают где-то рядом угольные карандаши. Служанка нарисовала стрелки двумя подводками разных цветов. На мое лицо слой за слоем наносят пудру и румяна. Затем растирают мои запястья и кожу за ушами похожими на воск твердыми духами. Мягкая

пудра, карандаши и теплый крем заставляют меня расслабиться. Было бы проще, если бы я могла применить магию к себе самой, хотя Дюбарри утверждает, что это невозможно. Магия предназначена, чтобы служить другим.

Я представляла себе жизнь, которую могу получить: меня выберут фавориткой, я буду жить во дворце, наслаждаться всеми возможностями, которые дарит придворная жизнь, и делать людей красивыми. Несколько раз я глубоко вздохнула. Слова Дюбарри никак не шли из головы и высвечивали мое положение с беспощадностью косметических фонарей.

– Теперь займемся волосами. – Служанка разделяет мои волосы на пряди, тщательно прочесывая каждую гребнем. Пар от бигуди образует вокруг меня облако, а их тепло приятно греет кожу, пока она наматывает на них волосы. Кудри крупными волнами падают мне на плечи, чтобы тут же быть заколотыми в традиционный для Прекрасных пучок, украшенный лепестками розы, чтобы ни один волосок не выбился из прически.

Женщины поторапливают меня перейти из комнаты в примерочную, где уже ждет Бри. Она помогает мне облачиться в узорчатое черно-белое платье с длинными рукавами. Я никогда не носила других цветов, кроме темно-розового, который, по словам Дюбарри, придает медовый оттенок моей смуглой коже. Ловкие пальцы Бри застегивают ряд крючков на застежке платья. Кроваво-красный пояс на талии собирает юбку в идеальный колокольчик.

– Вы восхитительно выглядите, миледи, – сказала она.

– Спасибо, – ответила я.

– Вы, наверное, взволнованы перед посещением двора и встречей с королевской семьей? – спросила Бри.

– Да, очень. – Наши взгляды встречаются в зеркале. Я рада с кем-нибудь поговорить. – Что ты можешь сказать о королеве?

– Она милостива, миледи, – прошептала служанка.

– А о принцессе?

– Она милостива, миледи, – сказала она, но на этот раз ее голос задрожал. – Долгой жизни королеве и принцессе.

Я повторила за ней эти слова.

– Время пришло, куколки, – позвал нас Министр Моды.

Мы вышли из-за ширм. Министр Красоты заохала, захлопала и рассыпалась в комплиментах нам, нашим платьям и новому облику. Министр Моды засиял от гордости и прошелся по комнате с каждой из нас.

На Падме было ярко-фиолетовое платье с высоким поясом и юбкой, ниспадающей до пола прямой линией. Шелк струился волнами позади нее, а замысловатый рисунок из драгоценных камней змейками поднимался по рукавам. На платье Эдель рубины чередовались с эдельвейсами. Ее шаги гулко звучали в притихшей от восхищения комнате. Кремовое платье-бюстье облегалo все изгибы тела Валерии, а подол, подобно рыбьему хвосту, расходился в стороны. На шелковом платье Ханы красовалось изображение нашего острова с кипарисами, а рукава спускались до самой земли. Мягкий шелк золотого цвета окутывал тонкий стан Амбер, а от ее пучка спускались бесчисленные желтые ленты, напоминающие лучи света. Я никогда еще не видела ее такой красивой.

Нам вынесли зеркало. Сердце гулко стучало в грудной клетке. Я с трудом узнала свое отражение. Я накрашена, как придворная дама на картинке в бютископе: глаза подведены толстыми линиями с золотым акцентом, красные драгоценные камни украшают мои брови, лицо напудрено, губы ярко выделены. Пучок оплетен розами, платье обтягивает так сильно, что я вдруг обнаружила у себя невиданные ранее, но такие знакомые формы. Это фигура моей матери.

Вдоль нас прошла Дюбарри, поцеловав каждую в щеку. Когда пришла моя очередь, она прошептала:

– Тебе идет. Твоя мать бы одобрила. – Она прикоснулась к рельефному узору моего платья. Я представила себе мамино лицо, ее гордую и восхищенную улыбку.

– Ну, как вам? – спросил нас Министр Моды.

– Потрясающе, – прошептала я под визг сестер.

– Я решил отказаться от традиционных нарядов. По моему скромному мнению, пришла пора новых Прекрасных. Дюбарри такая ретроградка, когда дело касается подготовки, – пробурчал он себе под нос.

– Что, простите? – переспросила Дюбарри.

– Ах, ничего, пустяки. – Он подмигнул нам.

Министр Красоты постучала веером по плечу, а затем посмотрела на нас с сестрами.

– Пора узнать вашу судьбу.

10

Роскошная ковровая дорожка разделила Зал Приемов, словно широкая кровавая река. С каждой стороны на креслах с высокой спинкой сидели безупречно элегантные женщины, разодетые в цветастые шелка, тафту, атлас и креп. Мужчины встали по периметру, и море цилиндров возвышалось над всевозможными женскими шляпками, веерами и высокими прическами. Люди прижали к глазам бинокли и шпионские стекла в надежде нас разглядеть. Стекланный потолок с эмблемой Орлеана над моей головой пропускал мягкий свет вечерних звезд.

– Смотрим вперед, – шепотом напомнила Министр Красоты перед тем, как войти.

Императорская стража была одета в темно-фиолетовые камзолы – священный цвет королевы. Я утопала во всеобщем внимании. Собравшиеся – самые важные люди королевства. Министр Красоты маячила впереди, ее ровные шаги замедлились, когда мы приблизились к трону цвета золотых хризантем. Несмотря на мои попытки успокоиться, чем ближе мы подходили, тем сильнее тряслись мои колени. Я шла за Падмой. Цветы лотоса в ее волосах открывались и закрывались, словно подмигивая зрителям.

Со всех сторон меня окружает гул голосов. Наклонившиеся друг к другу женщины шепчутся, прикрывшись кружевными веерами. Они смотрят на меня так, будто я кусок пряного пирога, поданный к ужину. Репортеры зарисовывают наши портреты, а черные почтовые шары-сплетники снуют туда-сюда над толпой, задевая головы лентами, стараясь уловить любую скандальную реплику.

Слева и справа от трона перед залом устроены шесть небольших круглых помостов под золотистыми куполами, украшенными цветочными гирляндами. Королевский капельднер помог мне взойти на тот, что был отмечен моим именем и увит цветами камелии. Сестры встали рядом на свои места.

Пирамида ступеней вела к возвышению, на котором были установлены четыре трона. В свете вечерних фонарей на них сидели три самых важных персоны в королевстве: король Франциск, королева Селеста и принцесса София. Последнее кресло принадлежало болеющей принцессе Шарлотте, которую уже много лет никто не видел. Злые на язык репортеры утверждали, что ей поддерживают жизнь, чтобы королевской семье не пришлось передать бразды правления Принцессе Софии. Газеты пишут, из наследницы получится ужасная королева, потому что она спускает деньги на роскошь и азартные игры и проводит время на весьма экстравагантных вечеринках. Если в этих историях есть хоть толика правды, то я заинтригована еще больше. Принцесса выглядит импульсивной, вспыльчивой, но самое главное – обворожительной.

Королева спустилась со своего трона. Стражники, похожие на диковинных насекомых с панцирем, образовали за ее спиной полукруг. Золотые полосы на коже мерцали и сплетались в замысловатые фигуры. Уголки ярких глаз украшали сапфиры. Небольшая серая прядь выделялась спереди в копне черных волос, как завиток ванильного мороженого в рожке с крем-брюле. В глянцевах журналах утверждалось, что королева оставляла ее как дань уважения коренным жителям Орлеана – Серым.

К ней присоединилась принцесса. Сегодня она походила на мать: та же красивая смуглая кожа и мягкий овал лица. Большинство семей хотят быть похожими друг на друга. Матери, особенно из высших домов, определяют семейные черты лица и поддерживают внешний вид своих детей. Однако принцесса София меняла внешность легко, словно наряды. На ее плече восседала карликовая обезьянка.

Я втянула воздух и не могла выдохнуть, пока королева не заговорила. Все стихло, не было слышно ни шепота, ни шороха, ни приглушенного гула голосов.

– Мои высокоуважаемые советники, мои возлюбленные леди и верные придворные, – она помахала рукой, – я рада приветствовать вас в этот самый важный для нашего королевства

день года. Сегодня произойдет назначение нашего самого драгоценного сокровища... – Королева повернулась к нам. – Очаровательные Прекрасные, добро пожаловать к моему двору, и да начнется ваша священная служба нашему миру. Без вас и наших богов мы были бы ничем.

Зал взорвался аплодисментами, которые отозвались эхом в моей груди.

– Насладитесь же видом нового поколения Прекрасных!

Когда все взгляды обратились на нас, я судорожно сжала пальцы сложенных на коленях рук. Слуги впустили рой алых почтовых шаров через огромное, от пола до потолка, окно. Крутясь и подрагивая, они проплыли мимо нас, четко следуя показаниям компасов, в направлении тронов. С этих миниатюрных дирижаблей свисали золотые веревки с карточками Прекрасных. Блестящие, яркие изображения двигались, дразнили тянущиеся к ним руки, пролетая достаточно низко, чтобы люди могли прикоснуться, но не схватить их.

Я заметила на одной свое лицо, но чернила на надписи переливались и бликовали, меняясь слишком быстро, чтобы я успела прочитать о своей судьбе.

– Эти королевские карточки будут отосланы каждому гражданину нашего королевства: на пять главных островов и на внешние небольшие архипелаги. Если кто-нибудь забудет ваши имена после Карнавала Красоты, карточки помогут им вспомнить, – сказала королева.

Зрители разразились аплодисментами.

– Итак, глубокоуважаемые придворные, делайте ваши ставки перед тем, как я объявлю фаворитку. Посмотрим, совпал ли наш выбор. И да пребудет с вами красота.

Мужчины, женщины и даже несколько детишек сорвались со своих мест, как рой пчел. С шумом, напоминающим жужжание, они толкались у помостов, бросая монеты в корзины в руках склоненных в поклоне слуг. Они махали в нашу сторону веерами, подносили к глазам бинокли и шпионские стекла и, прищурившись, вглядывались в наши лица. Через выставленные слуховые трубки зрители ловили наши ответы на свои вопросы.

– Что вы думаете о глазах кораллового цвета?

– Бледная кожа быстрее сереет, вы можете что-то посоветовать?

– Можете сделать мне новое лицо?

– Как вы считаете, надо ли изменить закон, чтобы разрешить делать талии еще тоньше?

– Моя кожа стареет и плохо держит цвет, можете ли вы это поправить?

– Как думаете, в этом сезоне будет модной маленькая грудь или большая?

– Мне нравилось сочетание смуглой кожи со светлыми глазами, станет ли это снова модно?

– Знаете ли вы, как увеличить срок действия процедур?

Я не успевала ответить на один вопрос, как мне тут же задавали следующий. Лица и голоса смешались в один водоворот.

Вдруг одно лицо выделилось из всей толпы.

Юноша, которого я встретила у ворот.

Он похож на карликового дракона: громкий, внушительный и полный огня. Придворные девушки не спускали с него глаз. Некоторые хихикали, прикрывши рот ладонями в ажурных перчатках и разукрашенными веерами, другие задавали ему вопросы, которые он оставлял без внимания. Он подошел к началу очереди, и люди перед ним расступились. Мой взгляд перепрыгнул с сапфирово-синего галстука на королевский герб у него на груди: два корабля, плывущих вдоль стебля хризантемы. Он был одним из сыновей Министра Морей.

Сердце бешено застучало. Я старалась не смотреть на него и не замечать, что он не сводит с меня глаз. Я решила притвориться, что не помню его.

Сын Министра Морей собрался кинуть монетку в корзину у моего помоста, но рука остановилась на полпути. Его взгляд обжигал мне кожу, краска прилила к моим щекам.

– У вас есть вопрос? – спросила я.

– О, она разговаривает. – Тембр его голоса был густым как шоколад. Он прикрыл ладонью улыбающиеся губы.

– Я не кукла.

– Я этого и не говорил. – Он взял меня за руку. Его тепло просачивалось сквозь кружевную перчатку.

Я отвела руку.

Стражник сделал шаг вперед.

– Касаться запрещено.

Он поднял ладони.

– Я не хотел ничего дурного. Я Огюст Фабри, сын Министра Морей, безобидный моряк. Просто хочу принести Леди, – он вытянул шею, читая мерцающую табличку с моим именем, – Камелии мои искренние извинения. Я расстроил ее своим поведением.

Я прикусила губу и постаралась, чтобы уголки губ не дрогнули в улыбке.

– Итак? Я очень занята, а за вами длинная очередь, – сказала я, пытаюсь выглядеть сердитой.

– Очень хорошо. Как вы думаете, должны ли мужчины быть такими же красивыми, как и женщины? – Вопрос окутал меня словно дым, проскользнув сквозь платье по коже и под нее. В его словах был вызов на поединок, который я намереваюсь выиграть.

Женщины вокруг моего постаamenta притихли. Я почувствовала, как внутри меня что-то задрожало.

– Мне кажется нечестным, что женщины должны расхаживать словно павлины, в то время как мужчинам это не обязательно. Необходимо прикладывать одинаковые усилия.

Левый уголок рта Огюста приподнялся в улыбке.

– Но не должны ли женщины быть красивее мужчин, чтобы их красотой восхищались?

– Разве женщины – это перья, телетропы или новые экипажи? – Мои щеки залил румянец, а он все не отводил взгляд.

Женщины энергично обмахивались веерами и обменивались вздохами и приглушенными репликами, смотря то на меня, то на него.

– Разумеется, нет. – Огюст спрятал улыбку. – Кажется, я узнал, какие слова использовать, чтобы вас разозлить.

– Кажется, вы знаете, какие слова использовать, чтобы говорить глупости.

– Однако это был вопрос, а не утверждение.

Я вздохнула, хотя словесная баталия пришлась мне по душе. Споры с сестрами проходили совсем по-другому.

– Последний вопрос, – сказал он и поднял руку с монетой.

– Мне кажется, вы задали уже достаточно вопросов и задержали мою очередь.

– Только один. Вы позволите мне? – Он надул нижнюю губу, словно ребенок на грани истерики. Женщины загалдели, вынуждая меня согласиться.

– Задавайте, – поторопила я, изображая раздражение.

– Если бы вы могли что-то изменить во мне, что бы вы сделали?

– Вам придется записаться на личный прием, чтобы мы могли обсудить варианты.

– Я так понимаю, этот ответ означает, что вы бы все оставили как есть?

Дамы, захихикав, заворковали и осыпали его комплиментами. Огюст ухмылялся, купаясь во всеобщем внимании. Я сдержала в груди зарождающийся смех, чтобы ему не досталось даже улыбки. Ему не следует знать, что он способен меня рассмешить.

– Но если вы хотите мою монету... – Он потер рукой подбородок, приподняв темную бровь. – Вам придется сказать мне. Ведь я собираюсь за вас проголосовать. – Он снова занес монету над корзиной. – А может, и нет.

– Оставьте себе свою монету, у меня их и так уже много, – сказала я. – Мои сестры так же талантливы.

– Но разве они так же прекрасны?

Ближайшие дамы зашептались.

Я покраснела.

– Мне кажется, из вас может выйти интересная фаворитка. Вдобавок я предпочитаю ставить на победителя. – Огюст бросил монету как раз, когда корзины подняли, чтобы унести, и растворился в толпе. След его самодовольства остался, словно запах духов, отвлекая меня от наплыва новых вопросов. Я поискала его глазами, мне очень хотелось ответить, что я здесь не для того, чтобы он оценивал мою красоту, а для того, чтобы помогать миру. Я не какое-то там украшение.

Королева вернулась на трон и кивнула Министру Красоты.

– Время пришло, – сказала Министр Красоты в громкоговоритель.

Новые алые почтовые шары пролетели через комнату, сияя боками с гербом Прекрасных. Они кружили над Министром Красоты, как овсянки в поисках гнезда. Королева протянула руку к одному из шаров и сняла с ленты карточку.

– Первым номером идет Валерия Борегард.

Валерия сделала шаг вперед.

– Ты вернешься в Красный Дом Красоты.

Валерия поклонилась. Вернувшись на платформу, она уставилась в землю, стараясь сдерживать льющиеся из глаз слезы.

Мы все ей похлопали.

Министр Красоты достала следующую карточку. Я едва сдерживаюсь, чтобы не вцепиться в подол платья.

– Эдельвейс Борегард, – сказала она.

– Да, – вырвалось у Эдель до того, как она успела прикрыть рот ладонью. Министр Красоты улыбнулась ей.

– Моя дорогая, ты отправишься в Чайный Дом Огня на Огненных Островах, – сказала она.

Эдель присела в реверансе.

– Хана Борегард.

Хана резко выпрямила спину. Она вышла с помоста, пряча пальцы в подоле платья. Она не смотрела на Министра Красоты, опустив взгляд в пол. Несколько лепестков вишни выпали из ее прически. Она сделала глубокий вдох.

Министр Красоты изучила карточку.

– Ты будешь работать в Стеклянном Чайном Доме на Стеклянных Островах.

Хана выдохнула, сцепила пальцы и поклонилась.

– Падма Борегард, ты займешь место в Шелковом Чайном Доме в Шелковом Заливе, – сказала Министр Красоты.

Подбородок Падмы упал на грудь. Слезы потекли из ее глаз, и она постаралась их незаметно вытереть. Она всхлипнула, прикрыв рот рукой. Служанка, стоящая рядом с ней, погладила ее по спине и что-то прошептала на ухо.

Над головой Министра Красоты, описывая друг за другом идеальные круги, летали два оставшихся шара.

Вот и все.

Я посмотрела влево, на Амбер. Она подмигнула мне. Я послала ей воздушный поцелуй и скрестила пальцы за нас обеих. Я повторяла себе: «Если выберут не меня, то я порадуюсь за нее», и надеялась, что она думает так же. Я старалась не слушать тихий шепот внутри меня, который твердил: «Ты врешь».

Министр Красоты потянулась к карточкам с нашими портретами. Я выпрямилась и сжала кулаки в предвкушении ее слов. Сестры застыли в ожидании.

– Камелия Борегард, – сказала она.

Я вышла вперед. Страх и волнение поползли по коже, словно виноградные лозы. Ладони чесались, а лицо залила краска. Меня подташнивало и в то же время хотелось кричать. Я слышала, как бьется мое сердце.

– Ты будешь работать в Чайном Доме Хризантемы, в Розовом Квартале нашего Имперского Города Трианон.

Мои щеки вспыхнули, я как будто со стороны видела, как они стали ярко-клубничного цвета. Сердце ухнуло вниз и разбилось. По спине потек пот.

– Но... – начала я, но взгляд Дюбарри заставил меня замолчать.

Я поклонилась и вернулась на помост. Кажется, что на меня положили тяжелый камень, и я больше не могла вздохнуть полной грудью.

Королева поднялась, и Министр Красоты повернулась к ней.

– Амброзия Борегард, – сказала королева, растягивая ее имя.

Амбер сделала шаг вперед: ее взгляд был устремлен вперед, плечи расправлены, на губах играла скупая улыбка. Она выглядела именно так, как ее учила Дюбарри, – грациозной, внимательной и готовой ко всему.

– Ты объявляешься *фавориткой*, – торжественно заявила Министр Красоты. Мне показалось, что мир вокруг меня взорвался.

Я прижала руки ко рту.

Королева захлопала.

– Амброзия избрана нашей фавориткой.

Слуга перевернул ее корзину. Монеты высыпались на пол и образовали гору золота. Придворные отдали за нее много голосов.

Я не могла отвести глаз от Амбер.

Королева улыбнулась моей сестре. Сердце разбилось на осколки, как зеркало, пронзив крошечными остриями каждый уголок моей души и тела и причиняя невыносимую боль. Эти осколки никогда не соберутся в единое целое.

Дюбарри скрестила руки на пышной груди и посмотрела на меня с глубоким чувством удовлетворения.

Я *не* стала фавориткой.

Слова врезались внутрь моей головы.

Я *не* стала фавориткой.

Ко мне тянули руки. Чьи-то губы целовали мои щеки, оставляя следы помады. Толпа хаотично двигалась. Женщины пожимали мои руки. Говорили, с каким удовольствием ждут приема в Чайном Доме Хризантем, аплодировали, обнимали и кружили в воздухе. Некоторые шептали, что выбрать должны были меня. Репортеры толпились вокруг меня, тыкали слуховыми трубами мне в лицо и мучили вопросами об Амбер и моем мнении о том, стоило ли королеве делать такой выбор.

Я глотала слезы, запивая их приторно сладким шампанским.

Амбер была окружена людьми. Ее рыжий пучок мелькал среди голов. Дюбарри рассказывала репортерам, какой она была в детстве: прилежной, вежливой и любящей. Министр Красоты вещала придворным о критериях, которыми они руководствовались при выборе фаворитки: дисциплина, ответственность, чувство долга. Сестры в красивых платьях разговаривали неподалеку от меня с репортерами и придворными.

Комната вокруг меня крутится. В ушах вместе с барабаниющим стуком моего сердца звенели слова королевы: «*Амброзия избрана нашей фавориткой*».

11

Время бежало, как раскрутившаяся новостная полоса. Мои сестры танцевали, смеялись, раздавали интервью, подставляли щеки для поцелуев и ели сладости. Мы позировали для портретов, потом разговаривали со старшими сестрами – предыдущим поколением Прекрасных. Я пряталась в соседней чайной гостиной, чтобы не встречаться с репортерами до самого возвращения в покои. Амбер с нами не вернулась. Она задержалась в Большом Королевском Бальном Зале, окруженная придворными и поклонниками, требующими ее внимания.

Я наблюдала за дверью и ждала, когда она войдет.

В самом центре главной гостиной стояли наши дорожные сундуки, похожие на гробы. Слуги укладывали в них наши бьютикейсы, новые платья и туфли от Министра Моды, последние косметические новинки и банки с пивками.

Хана задумчиво уставилась на свой багаж.

– Мы больше не будем вместе.

– Уже пора? – заныла Падма. – Мне не хочется уезжать.

Мне тоже. Осознание этого снова настигло меня, и я была готова разрыдаться. Я отвернулась к стене и притворилась, что люблюсь гобеленом с вышитой картой Орлеана.

– Экипажи скоро придут. – Валерия рухнула в ближайшее к ней кресло. Ее платье с треском надорвалось, но она слишком устала, чтобы смотреть на шлейф, который грозил полностью отвалиться.

– Я видела, как наши старшие сестры выходили в дорожных плащах, – сказала Хана.

Мы замолчали. Глаза Ханы и Падмы наполнились слезами. Щеки Эдель покраснели, а Валерия шмыгнула носом. Я отвернулась. В комнате повисла удушающая неловкая тишина.

– Я готова. – Эдель закинула туфли в свой сундук.

Слуги внесли подносы с газированными напитками, в которых плавали кусочки малины, зимней дыни, клубники и лайма. На тележках стояли вечерние угощения: крошечные вафли, сладкие сиропы, поджаренные сладкие хлебцы, цыпленок и круглые пирожные. Три телетропа проецировали картинки на стены. Волшебный вечер продолжался, но я чувствовала только разочарование. Внутри меня все дрожало от невыносимой тоски, а ноги и руки гудели от воспоминания о том, как выбрали не меня.

– А где Амбер? – спросила Валерия.

Звук ее имени теперь похож на взрыв бенгальского огня.

– Злорадствует где-нибудь, сомнений нет, – сказала Эдель.

– Я ее с ужина не видела. – Хана открыла дверь покоев и выглянула в коридор.

– Ей, наверное, надо успеть во множество мест, – пробормотала я.

– Я не хотела, чтобы она выиграла, – заявила Эдель.

– Не говори так. – Падма игриво толкнула ее плечом.

– Почему королева ее выбрала? – спросила Валерия.

– Потому что она все делает идеально. – Мне нелегко дались эти слова.

Сестры повернулись ко мне. Я прикусила нижнюю губу, чтобы она не дрожала. Воздух поднялся по горлу, и я икнула. Когда слуги пришли проводить нас в гардеробную, я почувствовала облегчение.

Нам помогли раздеться. Мы сменили праздничные наряды на дорожные хлопковые платья и прозрачные вуали. Меня окатила волна печали из-за отъезда. Я никогда не расставалась с сестрами дольше, чем на несколько часов. Утреннее бурчание Ханы, способность Эдель везде находить неприятности, звонкий смех Валерии, прогулки с Падмой и секреты, которые мы с Амбер рассказывали друг другу, – все это в прошлом. Никогда не думала, что, получив назна-

чение, мы разъедемся по разным концам света. Я и не предполагала, что между нами настолько все изменится.

Мы снова собрались в главной гостиной, чтобы перекусить сладостями, которые были разложены на тележках.

– Мне кажется, наступило время для тоста. – Падма подняла бокал с подноса. Пенящаяся зеленая жидкость пролилась на подол ее дорожного платья, и она выругалась.

– А нам не стоит подождать Амбер? – спросила Валерия.

– Нет, – хором сказали остальные.

Хана положила голову мне на плечо.

– Я думала, что это будешь ты.

– Спасибо, – прошептала я. *Я тоже.*

– Так, все успокойтесь и приступим. – Падма пыталась привлечь наше внимание. – Разбирайте бокалы. Не знаю, сколько времени у нас еще осталось.

Эдель залпом выпила целый бокал красной жидкости и взяла новый. Валерия заворчала, что она забрала последний.

Падма прокашлялась.

– Выпьем за нас, за этот вечер и за наше будущее.

Мы подняли бокалы и пригубили напитки.

– Теперь моя очередь! – Валерия вскочила с кресла. – Конечно, я расстроилась из-за назначения, и мне тут очень нравится... – Она обвела вокруг себя рукой. – Но в глубине души я всегда знала, что мне предстоит вернуться домой. Моя мама была Прекрасной Красного Дома Красоты, и я чувствовала, что должна пойти по ее стопам. Пожалуйста, не забываете обо мне. Отправляйте мне шары с новостями о том, что вы видите и делаете, а еще лучше – приезжайте в гости. – Ее голос дрогнул. – Я буду скучать по вам всем.

Мы сделали еще один глоток. Слова Валерии растревожили мою рану. Она делает работу своей матери. Я тоже должна была стать фавориткой, как моя мама, но подвела ее.

– Эх, девушки, что-то вы расчувствовались, – заметила Эдель. Хана толкнула ее плечом, и та улыбнулась. – Наверное, я тоже буду по вам всем скучать.

Слуги раздали нам плотные дорожные плащи, отороченные белым мехом с вышитыми золотой нитью розами и нашим гербом.

Амбер влетела в гостиную, когда мы уже просовывали руки в уютные рукава. Ее тяжелые шаги так сильно стучали по полу, будто она собиралась проломить его своей значимостью. Маленькая корона на ее голове блестела так, словно была сделана из звездной пыли.

– Здравствуйте, сестры!

Она порхала вокруг нас, покачивая подолом платья, и светилась, как утренний фонарик, ожидая, что мы тут же примем ее расхваливать.

– Поздравляю. – Валерия подошла и обняла Амбер.

– Мы очень за тебя рады. – Хана взяла ее за руки, и они стали кружиться, пока не упали от смеха и головокружения. Зависть душила меня. Она росла с каждой секундой, мешая мне дышать. Но я не дам ей выхода. Мне хотелось обнять сестру за шею, прижаться лбом к ее плечу и прошептать, как я ей горжусь, но я не могла сделать ни шага, а мой рот, склеенный сладким сиропом, не издавал ни звука.

– Ты будешь красивой фавориткой, – сказала Падма, посылая ей воздушный поцелуй.

– Ну. – Эдель окинула сестру взглядом с головы до ног. – Полагаю, кто-то должен был выиграть, – сказала она и покинула комнату.

Служанка уступила Эдель дорогу и постучала по песочным часам, висящим на лацкане своего жакета.

– Экипажи скоро отправляются.

Напоследок все еще раз обняли Амбер. Я задержалась на мгновение после того, как все сестры покинули комнату.

Мы с Амбер посмотрели друг на друга.

– Не могу поверить, что Эдель так себя повела, – сказала она. – А ты рада за меня?

– Да, – ответила я. – Мне просто нужно время, чтобы привыкнуть.

– Тебя назначили в самый важный чайный дом, в Хризантему. Туда ходят все придворные фрейлины. По крайней мере, ты останешься в городе...

– Не старайся подсластить мне пилюлю, Амбер. Я не стала фавориткой. – Как только я сказала эти слова, во мне вновь поднялась волна разочарования. Я почти слышала мамин осуждающий голос и видела ее нахмуренные брови.

– Но ты все равно занимаешь важное положение, как и мы все.

– Этого недостаточно. – Наконец я едва слышно всхлипнула.

Амбер бросилась ко мне, схватила за руки и притянула к себе. Я уткнулась лицом в ее плечо.

– Все будет хорошо, – сказала она мне. От нее исходили смешанные между собой дворцовые запахи, ведь этим вечером ее обнимали бессчетное количество раз. – Ты сможешь приходить в гости, а я буду приглашать тебя так часто, как только смогу. И сама буду приходить.

Я отстранилась. Воспоминание о неудаче снова настигло меня, окатывая с ног до головы горячей волной. *Я не стала фавориткой.* Как можно выдержать ее жалость ко мне? Когда Амбер снова потянулась ко мне, я оттолкнула ее.

– Стой, – сказала я.

Я видела, что причинила ей боль, но ничего не могла поделать.

– Ты не можешь за меня порадоваться?

Меня обдало жаром. В желудке все перевернулось, а по лицу стекла капля пота.

– Я рада. – Я боролась со слезами. Неужели она не видит, как мне тяжело?

– Ты думала, что справишься со мной одной левой. Ты выступала на Карнавале последней. Любой, кто идет последним, оставляет наилучшее впечатление. Те, кто выступал посередине, были обречены на неудачу. Дюбарри подставила тебя на должность фаворитки, но королева выбрала меня.

– Ты так думаешь? Дюбарри меня терпеть не может и никогда не могла. Она никогда не видела моего потенциала, – произнесла я, пытаюсь отыскать на лице Амбер свою подругу. – Ты знаешь, как много я работала, месяцами изучая историю прошлых Карнавалов и обдумывая разные образы? Я крада у Дюбарри из почтового ящика буклеты и журналы красоты, чтобы изучать модные течения. Я так же хорошо подготовилась, как и ты.

– Но ты не следовала правилам на Карнавале, да и вообще никогда, – сказала Амбер. – Ты не заслуживаешь титула *фаворитки*.

Я неотрывно смотрела на нее. От напряжения на ее лбу появилась морщинка.

– Ты моя лучшая подруга, – сказала она. – Ты должна была первой меня поцеловать после объявления и первой сказать, как ты мной гордишься. Вместо этого ты дуешься и завидуешь. Я следовала правилам, Камелия. Я заслужила это, а ты – нет. Ты всегда так расстраивалась, когда я хоть в чем-то тебя превосходила. Что бы Матушка Линнея подумала о твоём поведении?

– Не приплетай сюда мою маму. – Мои глаза наполнились слезами, а кулаки сжались. Меня трясло от злости.

Амбер наклонилась ближе.

– Ей было бы стыдно. – Она схватила мое запястье, но я вырвалась, и Амбер потеряла равновесие. Издав полный удивления и боли крик, она упала на пол.

Я ахнула.

– Амбер! Я не хотела...

Она чуть не просверлила во мне дыру взглядом, щеки ее побагровели, искусно сделанный макияж расплылся по щекам оранжевыми и золотыми подтеками.

– Мне так жаль. – Я потянулась к ней.

Амбер отпрянула, встала на колени и поднялась.

– Не прикасайся ко мне.

Служанка заглянула в комнату.

– Леди Камелия, ваш экипаж ждет.

Амбер даже не посмотрела на меня. Я повернулась и выскочила из комнаты. Злоба тугим узлом улеглась у меня внутри, виски и шею пронзила боль. Я бежала по лестнице, догоняя сестер, а в голове вновь и вновь звучали ее слова:

Ей было бы стыдно... Ей было бы стыдно.

12

Колеса кареты грохотали о каменную мостовую Королевской площади. Я приоткрыла занавески и смотрела, как фонари, сверкая бриллиантовой огранкой стекол, освещают дорогие особняки из известняка в аристократическом Квартале Роз. Их колонны устремлялись в небо, как дорогие лезвия. Луна окрасила вечерний свод в темно-фиолетовый и индиго. Лошади, которых кучер умелой рукой направлял по извилистым и узким улочкам Императорского Города Трианона, ржали.

– Леди Камелия, – сказал чей-то знакомый голос.

Я отвернулась от окна. Бледное лицо высунулось из-за занавески. Это служанка из дворцовых покоев Прекрасных. Ее коричневое платье выделялось как шоколадное пятно на винно-красной обивке кареты.

– Я...

– Я помню тебя, Бри.

Она порозовела.

– Меня назначили вашей императорской служанкой.

– Замечательно. – Я постаралась быть вежливой, как учила Дюбарри.

– Вы голодны?

– Нет. – Я вернулась к видам за окном.

– Может, чаю? – Она сняла чайник с небольшой плитки, в которой потрескивал огонь.

– Я не хочу пить.

Служанка подняла крышку и показала заваренные лепестки розы.

– Это поможет вам расслабиться перед приездом. – Бри налила мне чашку. – Этот чай подают клиентам, он помогает остановить дрожь, смягчает страх, возбуждение и приглушает боль от трансформаций.

Хотя, если хорошенько подумать... я проглотила всю жидкость залпом. Она обожгла мне горло, и я мечтала, чтобы она смогла стереть из моей памяти ссору с Амбер, а лучше весь этот вечер.

Я посмотрела в окно: мир снаружи распался на пятна света и цвета. Дым клубился, поднимался и исчезал в небе. Мы ехали сквозь Рыночный Квартал, где никогда не спящие лавочники продавали ночной товар. Кобальтово-синие фонари свисали с крыши каждой палатки и качались над каждым трактиром, привлекая поздних клиентов. Продавцы кричали, что лучшие шпионские стекла можно купить только у них; три женщины держали на вытянутых руках браслеты; один торговец предлагал резные трубки и смеси трав, открывающие человеку его желания и мечты, другой сгибал в воздухе слуховые трубки, будто слоновьи хоботы. Кто-то смотрел нам вслед мрачным взглядом, кто-то ослепительно улыбался, демонстрируя белоснежные зубы, кто-то растягивал губы в вялой ухмылке. Рокот торговых рядов оглушил меня.

Как только мы въехали в Садовый Квартал, цвет фонарей сменился с темно-синего на зеленый. «*Этот мир должен быть похожим на сад, а люди – на розы, лилии и тюльпаны, иначе ни в чем нет смысла*», – когда-то говорила мне мама. Над красочными тротуарами проспекта высились башни. На улицах висело огромное количество анимированных изображений и портреты известных придворных, которые махали нам и подмигивали. В павильонах, напоминающих по форме розы, продавали сидр из зимней дыни, персиковое шампанское, пышные пончики и круглые печенья. Я чувствовала запахи даже через стекло.

Бри взяла у меня из рук чашку.

– Мы скоро прибудем.

Алые отсветы раскрасили мои руки и ноги красными полосами. Фонарики летали над мостовой из блестящих камней мимо множества магазинов и лавок, покрашенных в пастель-

ные тона, – они походили на покрытые глазурью печенье из пекарни. Торговые ряды протянулись вдоль лабиринта улиц. В витринах поблескивала косметика Прекрасных. Я старалась себя расшевелить, чтобы во всей полноте насладиться окружающей красотой, но в голове вертелась лишь одна мысль: я не стала фавориткой и покинула дворец. Это все – утешительный приз.

Чайный Дом Хризантемы светился цветами лаванды и пурпура. Его элегантные башни, высотой в десять этажей, украшали балконы, увитые плющом. Он карабкался по стенам так высоко, что еще немного – и по нему можно было бы добраться к самому Богу Неба. Золотая дорожка напоминала высунутый язык. Алые фонари, установленные на каждом окне, заливали дворик кровавым светом. Вокруг чайного дома скопились люди. Репортеры держали в руках свои световые коробки. Дамы и кавалеры прикладывали к глазам шпионские стекла. Дети, которых еще не уложили спать, махали маленькими ручками.

Карета остановилась, и дверь открылась.

– Леди Камелия! – Сопровождавшая нас служанка подала мне руку. – Вам сюда.

Я вышла. Снаружи меня уже ждал весь персонал.

– Камелия!

– Камелия!

Я махала рукой шумной толпе и старалась изобразить на лице идеальную улыбку, как и учила Дюбарри. Я притворялась счастливой.

Меня повели по подъездной дорожке к дому.

Я поклонилась и помахала зевакам на прощание, после чего двери чайного дома захлопнулись за моей спиной. Внутри все заливал свет. Мягкие золотые лучи танцевали по полу. В воздухе стоял запах угля и цветов, а из булькающего фонтана била вода. Фойе тянулось вглубь дома. Наверху по периметру виднелось девять балконов с масляно-черными балясинами и позолоченными перилами с резными украшениями в виде роз, по одному на каждом этаже. Фонарики летали, покачиваясь в воздухе то вверх, то вниз, словно облака из драгоценных камней, окутывая каждый этаж сиянием. Большая парадная лестница разделялась надвое, как пара жемчужно-белых змеек.

Бри взяла мой дорожный плащ и ручной метелкой обмахнула с моего платья пыль, жуков и других нежеланных попутчиков, которых я могла прихватить по дороге. Она сняла туфли с моих ног и заменила их шелковыми домашними носками с пуговицами на лодыжках.

– Спасибо. – Пока Бри со мной, моя связь с дворцом не прервется.

– Не за что, Леди Камелия. – Она поклонилась.

В помещение вошла женщина в платье цвета подсвеченного солнцем меда, с вырезом, достаточно глубоким, чтобы продемонстрировать три бриллиантовых ожерелья. Ее элегантные длинные волосы были уложены в замысловатую прическу. Она вся походила на цветок хризантемы на гербе Орлеана, а блестящие ногти, покрытые зеленым лаком, напоминали его листья.

– Камелия, – сказала она. – Я Мадам Клэр Оливье, жена Сира Роберта Оливье из дома Кент, младшая сестра Мадам Аны Дюбарри и хозяйка этого прославленного чайного дома. Ну и титул, – засмеялась она себе под нос.

Я присела в реверансе. Я смутно припомнила, что она приезжала к нам домой, когда мы были еще детьми.

Она улыбнулась, зубы ее были так измазаны помадой, что казалось, она только что съела коробку пастельных карандашей. На ее верхней губе выступили капли пота, поэтому Мадам Клэр беспрестанно протирала лицо носовым платком.

– Мы очень счастливы, что королева направила тебя сюда, хотя моя сестра и утверждает, что ты сущее наказание с ужасным характером. Но у тебя такое прелестное лицо, что я ей не верю. Иногда она преувеличивает. – Она прикоснулась к моей щеке. – Итак, позволь мне провести экскурсию по великому Чайному Дому Хризантем.

Я пошла за ней по парадной лестнице. Странный набор ключей, подвешенный к ее поясу, мелодично брэнчал.

– Здесь десять этажей по тридцать пять комнат на каждом. Когда-то все они были заселены Прекрасными, и на процедуры записывались одни придворные. Перед королевой стоит труднейшая задача: из стольких талантливых Прекрасных выбрать всего одну фаворитку. Когда я была ребенком, Карнавал Красоты длился целый месяц.

Я провела пальцами по украшенным резьбой перилам. Некоторые двери были закрыты, но интерьер отдельных комнат можно было разглядеть из коридора. Белоснежные кресла с фисташковыми подушками, малахитовые пологи и шафрановые покрывала, стены цвета фуксии и гранатовые гобелены. Я представила, что каждая из этих комнат служила кабинетом Прекрасной. Фонарики с тихим шорохом летели за нами.

Дюбарри никогда не рассказывала, почему нас стало так мало.

– Интересно, не растеряла ли моя сестра свой талант воспитания Прекрасных, – подмигнула Мадам Клэр.

Мое лицо оставалось бесстрастным, хотя угрозы Дюбарри все еще звенели в ушах.

Мадам Клэр показала мне красивую веранду для завтраков, игровую комнату и чайные залы.

– Когда-то давно именно в этот чайный дом приходила королева с придворными дамами. Но потом Королева Анаис из династии Шервуа построила покои для Прекрасных в самом дворце. Моя семья живет на десятом этаже, твои комнаты будут на третьем.

Мы вернулись к парадной лестнице.

– А где моя старшая сестра, Аза? Мы будем жить в одной комнате, пока она меня будет учить?

Мадам Клэр остановилась, развернулась на месте и неодобрительно поджала губы.

– Ее помощь для твоей адаптации не потребуется.

– Но Мадам Дюбарри сказала, что мы проведем вместе месяц. Она должна показать, как работать, чтобы все было идеально, и передать мне своих клиентов.

– Я пораньше отослала ее назад, в Красный дом. Можно сказать, она попала в неприятную ситуацию. Не волнуйся, у тебя есть я. Я хозяйка этого чайного дома вот уже пятнадцать лет. Никто лучше меня не объяснит, чего от тебя ждут.

Новое разочарование нагромоздилось на растущее недовольство внутри меня. Я думала, что смогу положиться на старшую и более опытную сестру, хотя бы на время. Так мне было обещано.

Мы шли по третьему этажу. Служанки открыли перед нами двери. Мы с Бри последовали за ними внутрь.

– Это твои покои. – Мадам Клэр показала рукой. – А твоя служанка будет жить по соседству.

Посреди помещения стояла самая огромная кровать, какую я когда-либо видела. Бархатные занавесы, свисающие с позолоченных столбов, были перевязаны шелковыми шнурами. На кровати лежали атласные подушки, набитые лебяжьим пухом, а на толстых одеялах виднелись вышитые гербы Чайного Дома Хризантем. Несмотря на то что теплый сезон еще не закончился, в сложенном из камня очаге трещало и извивалось пламя. В фарфоровых сосудах плавали чайные свечи и лепестки цветов. Все стены были увешаны портретами в золоченых рамах. Мраморные статуи Богини Красоты и известных Прекрасных смотрели на меня из каждого угла. В длинном ряду я заметила и мамин портрет. Что бы она сказала, если бы была здесь? Призналась в разочаровании или посоветовала мне быть благодарной?

Бри работала вместе с остальными служанками, распаковывая мой дорожный сундук. Платья развешивали в такой большой шкаф, что в нем могла бы целиком уместиться моя кровать. Бютикейс занял свое место на туалетном столике с несколькими крючками для фона-

рей. На нем же вместе с инструкцией от Дюбарри лежала специальная книга с моим именем и портретом, в которой по требованию хранительницы я должна была записывать все, что со мной происходит, – вести дневник Прекрасной.

– Министр Моды прислал сотню платьев. Я высказала пожелание, чтобы наряды соответствовали нашему чайному дому, так что он вдохновлялся нашей цветовой гаммой. – Слова Мадам Клэр казались мне невнятным бормотанием.

Я думала о красоте комнаты, где сейчас спит Амбер. Снова и снова прокручивала в голове наш последний разговор, снова замечала боль в ее глазах и грохот, с которым она упала на пол. Я чувствовала себя как почтовый шар, прибитый к земле тяжелой посылкой. Хотя эта комната была очень красива и находилась в чудесном доме, меня убивал тот факт, что я лишь вторая по важности Прекрасная в королевстве. Перед глазами стояли только королевские апартаменты, в голове звучали слова Амбер, и эта комната казалась слишком маленькой для меня.

– Мне кажется, здесь тебе будет хорошо. Ты, как я погляжу, вполне вписалась в интерьер. – Мадам Клэр хихикнула. – Комната прекрасно гармонирует с твоей смуглой кожей. Дизайнеры очень старались, чтобы добиться точного сочетания. – Она погладила пальцами мебель и облокотилась на туалетный столик, смотрясь в зеркало. – Как же так, я снова перестаралась с помадой. – Мадам Клэр вытерла зубы.

Служанки едва сдерживались, чтобы не рассмеяться. Она кашлянула, и они тут же затихли. Я увидела в зеркале, что хозяйка чайного дома смотрит на меня.

– Я была уверена, что королева выберет тебя.

Я встретила с ней взглядом, и мои глаза наполнились слезами.

– Ты выступила очень изобретательно. Я ставила на тебя, потому что твое выступление на порядок превосходило все остальные, а еще тебе удалось очень сильно рассердить мою сестрицу.

Я поклонилась, чтобы она не заметила улыбку, вызванную ее словами.

– Спасибо, Мадам.

– Но Амброзия – правильный выбор на роль фаворитки правящей королевской семьи, – сказала она, и момент счастья растворился, словно лопнувший мыльный пузырь. – Им хватает распрей. Теперь им нужен кто-то, кто будет делать только то, что прикажут.

– Я бы справилась, – сказала я, хотя эти слова были ложью.

Мадам Клэр подошла и положила руку мне на щеку.

– Кого ты пытаешься обмануть, меня или себя? – Она улыбнулась, помады ее на зубах значительно прибавилось. Затем она наклонилась и понюхала меня. – Ты пахнешь лавандой, как мило. Я рада, что ты приехала. Завтра мы начнем работу. – Она направилась к выходу, впуская медсестер, пришедших проверить уровни моих аркан.

Я вскарабкалась на громадную кровать и позволила медсестрам уколоть себя и проверить показатели. После их ухода я достала мамин портрет, поставила его на подушку рядом с собой и обвела пальцами ее лицо, вырезанное из ярко-розового стекла и белого кварца.

– Что мне делать, мама?

Я закрыла глаза и представила ее рядом: запах ее волос, прикосновение рук, звук дыхания. В моей голове прозвучал едва различимый шепот:

Делай то, о чем тебя просят.

– Но что, если я не хочу?

Ты должна. Королева приняла решение. Тебя воспитали не для того, чтобы ты завидовала чужой судьбе. Бог Зависти может отравить твою кровь.

– Я накричала на лучшую подругу.

Ты не должна выпускать злость наружу. Она ослепляет и разбивает сердце.

– Прости, мам. Мне так жаль, что я подвела тебя. Я недостаточно старалась.

Я ждала ее ответа, чтобы она сказала мне, что все будет хорошо. Ждала, что ее руки обнимут меня за талию, и я почувствую стук ее сердца.

Ничего не произошло.

Я легла на новый матрас, жалея, что на нем нет той выемки, которая всегда оставалась в моей кровати после маминого ухода, и погрузилась в полный разочарований сон.

13

Рано утром меня разбудили незнакомые звуки и запахи, и я окунулась в полный забот день. Завтрак принесли на веранду вместе со списком утренних приемов.

Госпожа Даниэла Жокар из дома Мейль 7:00

Леди Рене Лорент из дома Шелка 8:00

Графиня Мадлен Рембранд из дома Гластон 9:00

Леди Рут Барлон из дома Юджин 10:00

Герцогиня Аделаида Брюэн из дома Помандеров 11:00

Небольшой процедурный салон круглой формы с голубыми стенами создавал впечатление, что я нахожусь внутри яйца дрозда. Служанки усердно взбивали подушки и застилали одеялами длинный стол. Бри открыла мой бьютикейс и разложила инструменты на серебряном подносе.

Через мансардное окно виднелись тяжелые облака, готовые в любой момент разразиться дождем и молниями. Небо отражало то, что было у меня на душе.

– Леди Камелия, – прошептала Бри.

– Да?

– Ваши первые клиенты прибыли в приемную. Чай уже подан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.